
Рубиновая нить
Ольга Ефимова
18+

Ольга Ефимова

Рубиновая нить

«Автор»
2026

Ефимова О.

Рубиновая нить / О. Ефимова — «Автор», 2026

1913 год. На ткацкой фабрике близ уездного города бесследно исчезает целая смена работниц — двенадцать женщин. В архивах сохранилось лишь одно упоминание: они носили на шее тонкие нити с рубиновой бусиной. Тела не найдены. Фабрика закрыта. Место считают проклятым.Спустя сто лет группа молодых документалистов приезжает туда, чтобы снять фильм о «проклятом месте». В подвале они находят шкатулку с такими же нитями и ради кадра надевают их. Почти сразу начинаются странности: оператор видит чужие воспоминания, звукорежиссёр слышит шёпот, режиссёр замечает в отражениях силуэты женщин в старых платьях. Команда решает остаться и раскрыть тайну, но чем глубже они копают, тем опаснее становится: кто-то ломает оборудование, по коридорам ходят тени, а город вокруг будто сжимается, не выпуская их.«Рубиновая нить» — это мистический триллер о памяти, вине и прощении. О женщинах, которых хотели стереть, и о тех, кто вернул им имена.

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. СМЕНА, 1913 5
ГЛАВА 2. ПРИЕЗД 7
ГЛАВА 3. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 14
ГЛАВА 4. ВНУТРЬ 20
ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ ДУБЛЬ 25
ГЛАВА 6. ПОДВАЛ 28
ГЛАВА 7. РАДИ КАДРА 33
ГЛАВА 8. ПЕРВЫЕ СТРАННОСТИ 36
ГЛАВА 9. УТРО 40
ГЛАВА 10. ГОРОД СЖИМАЕТСЯ 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ольга Ефимова
Рубиновая нить

ГЛАВА 1. СМЕНА, 1913

Дождь начался ещё днём и к ночи превратился в сплошную стену воды, которая шумно падала на кирпичную фабрику, на мокрую брусчатку двора и на плечи двенадцати женщин, стоявших шеренгой у ворот. Фонарь над входом качался от ветра, и его свет то выхватывал из темноты бледные лица, то снова бросал двор в полумрак. Женщины стояли неподвижно, будто не замечали ни дождя, ни холода. На каждой была простая тёмная юбка, тёмная кофта и тонкая красная нить на шее. На нити покачивалась маленькая рубиновая бусина — единственное яркое пятно в этой серой, мокрой картине.

За воротами не было ни прохожих, ни собак, ни редких ночных экипажей. Улица словно вымерла. Только дождь стучал по камням, и где-то внутри фабрики, за приоткрытой дверью цеха, уже отбивал ритм метроном.

Из дверей вышел надзиратель — плотный мужчина в кожаном фартуке и тяжёлых ботинках. В руке он держал связку ключей. Он остановился перед шеренгой и медленно прошёл вдоль неё, проверяя у каждой женщины нить и бусину. Делал он это привычно, без злобы, как проверяют исправность станка перед сменой. Женщины не поднимали глаз. Только самая молодая, стоявшая в конце шеренги, чуть повернула голову, и надзиратель сразу заметил это движение.

— В цех, — коротко сказал он.

Она опустила глаза. Нить на её шее дрогнула.

— Нить не снимать, — произнёс надзиратель, обращаясь сразу ко всем. — Бусину не терять. Кто снимет — останется.

Слова упали в тишину двора и растворились в шуме дождя. Никто не спросил, что они значат. Никто не переспросил. Женщины стояли так, будто слышали эту фразу не впервые и давно перестали искать в ней смысл.

Надзиратель подошёл к воротам, вставил ключ в замок и повернул. Замок щёлкнул сухо и громко. Ворота закрылись. Теперь двор стал замкнутым прямоугольником: стена, стена, ворота, дверь. И дождь.

Метроном внутри фабрики стучал ровно. Этот звук был странным образом громче дождя. Он проникал сквозь стены, сквозь шум воды, сквозь собственное дыхание женщин — и задавал ритм, которому они подчинялись без слов. Первая женщина сделала шаг к двери. За ней вторая. Третья. Они входили в цех по одной, медленно, как будто каждая преодолевала невидимое сопротивление.

Молодая задержалась на пороге. Она обернулась и посмотрела не на двор, а вверх — на тёмные окна фабрики. В одном из окон на втором этаже стоял силуэт человека в белом халате. Он не двигался. Он смотрел вниз, на шеренгу, на мокрый двор, на неё. Молодая женщина прижала руку к груди. Под пальцами оказалась рубиновая бусина.

— Не задерживай смену, — сказал надзиратель из двери.

Она вошла. Дверь цеха закрылась за последней работницей. Надзиратель остался во дворе один. Он поднял голову к окну второго этажа, и силуэт в белом халате исчез. Метроном внутри на мгновение ускорился, словно сбился с ритма, а потом снова застучал ровно.

В цехе было темно. Пахло машинным маслом, пылью и мокрой шерстью. Ряды ткацких станков уходили в глубину, теряясь в полумраке. Женщины проходили между ними и садились на свои места. Никто не разговаривал. Никто не кашлял. Только шорох ткани и шаги.

Молодая села у окна. Положила руки на станок. Перед ней натянулись тонкие красные нити — такие же, как та, что была у неё на шее. Она смотрела на них, и в какой-то момент ей показалось, что нити на станке и нити на шеях работниц связаны в одну общую сеть. Сеть, которая держит их здесь.

За спиной раздался голос. Спокойный, почти ласковый. Он принадлежал человеку в белом халате, но сама она его не видела.

— Смена начинается, — сказал голос. — Вы не помните, что было до. Вы не помните, что будет после. Есть только нить.

Женщины одновременно подняли руки и коснулись бусин. Движение было таким слаженным, будто они репетировали его много раз. Или будто их руки двигала одна общая память.

— Нить держит, — закончил голос.

Метроном стукнул. Станки ожили. Грохот нарастал, заполняя цех, вытесняя тишину, вытесняя мысли. Свет мигал, и в тёмном стекле окна на секунду отразился не цех, а длинный коридор с дверью, заложенной кирпичом. Молодая женщина увидела это отражение. Её губы шевельнулись без звука.

— Я помню.

Свет погас.

ГЛАВА 2. ПРИЕЗД

Утро было серым и тихим, как будто ночь так и не закончилась, а просто выцвела до цвета мокрого асфальта. Фургон шёл по трассе уже третий час, и Вера Соколова сидела на переднем сиденье, положив на колени блокнот, в котором давно не осталось чистых страниц. Она читала вслух — не для кого-то, а чтобы успокоить себя, потому что дорога становилась всё уже, деревни за окном всё реже, а указатели всё более выцветшими.

— «В 1913 год на ткацкой фабрике близ уездного города исчезла целая смена работниц, — читала она ровным, почти дикторским голосом. — В архивных документах сохранилось лишь одно упоминание: женщины носили на шее тонкие нити с рубиновой бусиной. Тела не были найдены. Фабрика закрылась в том же году и с тех пор не работала».

— Ты это уже раз десять прочитала, — сказал Макс с заднего сиденья, не отрываясь от камеры, которую разбирал и собирал, как делал всегда, когда нервничал.

— Одиннадцать, — поправила Лиза, не открывая глаз. Она сидела у окна в наушниках, и в её плеере играла запись дождя, которую она сделала прошлой ночью. — Я считала.

Соня, самая младшая, сидела рядом с водителем и смотрела в боковое окно. За стеклом тянулись поля, серые от утренней измороси, и редкие деревья, похожие на людей, застывших у дороги.

— А почему фабрика? — спросила она. — Ну, то есть почему именно она? В стране тысячи заброшенных мест.

Артём, сидевший за рулём, ответил не сразу. Ему было тридцать пять, и он был единственным, кто за всю дорогу ни разу не включил радио и не пошутил. Его руки лежали на руле спокойно, почти торжественно, и в этом спокойствии было что-то, что заставляло остальных говорить тише.

— Потому что это не просто заброшенное место, — сказал он наконец. — Это место, у которого есть история. Настоящая, не придуманная для телевидения. «Здесь когда-то был приют, следом выросла фабрика. Теперь тут тишина. Места с такой судьбой сами просятся в объектив — в них есть что-то невысказанное».

— Просят? — переспросила Соня.

— Зовут, — уточнил Артём и улыбнулся одними губами.

Вера обернулась и посмотрела на него. В его улыбке не было ничего пугающего — обычная улыбка человека, который знает чуть больше, чем говорит. Но она уже давно научилась доверять своему первому чувству, а первое чувство говорило: Артём знает об этом месте больше, чем рассказал. Она решила вернуться к этому позже, когда они уже будут на месте и у неё будет материал, за который можно зацепиться.

Дорога свернула, и асфальт закончился. Фургон пошёл по грунтовке, подпрыгивая на ухабах, и камера на коленях Макса тихо звякнула.

— Осторожнее, — сказал он. — Это не твой «Никон», это работа.

— Это твоя работа, — поправила Вера. — Я режиссёр, я снимаю на телефон.

— Вот именно, — буркнул Макс.

Город начался внезапно, как начинаются все маленькие города: сначала заправка с потухшей вывеской, потом ряд гаражей, потом улица с домами в два этажа, где на окнах висели занавески, а на заборах сохла краска, нанесённая лет десять назад. Фургон проехал мимо магазина с надписью «Продукты», мимо аптеки, мимо памятника, у которого не было таблички, и мимо людей, которые провожали машину взглядами. Не враждебными — просто внимательными. Так смотрят на чужих в местах, где чужие появляются редко.

— Здесь всегда так тихо? — спросила Лиза, сняв наушники.

— Здесь всегда так, — ответил Артём.

Он остановил фургон у небольшого магазина, и они вышли размяться. Воздух был влажным и холодным, пахло мокрой землёй и дымом. Вера прошла вдоль полки с консервами, взяла воды, хлеба и пачку печенья, и пока расплачивалась, продавщица — женщина лет шестидесяти с усталыми глазами — посмотрела на неё внимательнее, чем требовалось.

— Вы на фабрику? — спросила она.

Вера удивилась.

— Почему вы так решили?

— А куда ещё, — продавщица пожала плечами. — Тут больше некуда. Только фабрика. Вы бы не ездили туда.

— Почему?

Женщина помолчала. Потом положила сдачу на прилавок и сказала тихо, почти безразлично:

— Потому что оттуда возвращаются не все. А кто возвращается — тот привозит что-нибудь с собой.

Она сказала это так буднично, как предупреждают о скользкой дороге. Вера хотела переспросить, но в магазин уже входил Макс с вопросом, есть ли у них батарейки, и разговор распался на обычные бытовые мелочи.

Когда они вышли, Соня стояла у фургона и смотрела на улицу.

— Я тут никого не вижу, — сказала она. — Вообще никого. Мы проехали полгорода, и я не видела ни одного человека, кроме продавщицы.

— Видела, — сказал Артём. — Просто они стояли в окнах.

Соня обернулась. За занавесками домов действительно угадывались силуэты. Никто не махал им вслед. Никто не выходил на крыльцо. Люди просто стояли и смотрели, как смотрят на поезд, который проезжает мимо маленькой станции.

Они сели обратно в фургон, и Артём повёл машину дальше, за город, к реке. Дорога шла вдоль воды, потом свернула в лес, и через несколько минут деревья расступились. Фабрика появилась не сразу — сначала показалась труба, высокая и тонкая, как палец, поднятый к небу, потом крыша, потом стена, длинная и красная, как обожжённая кожа.

Вера смотрела на неё и чувствовала, как в груди что-то сжимается. Она знала это чувство. Оно приходило перед каждым хорошим фильмом — ощущение, что ты нашёл то, что искал, и одновременно то, что тебя найдёт.

— Приехали, — сказал Артём и выключил двигатель.

Тишина, которая наступила после этого, была такой плотной, что казалось, будто её можно потрогать. В ней не было ни птиц, ни ветра, ни далёкого шума дороги. Только вода где-то за деревьями и очень тихий, почти неслышный стук — как будто внутри фабрики кто-то очень осторожно отбивал ритм.

— Это что? — спросила Лиза.

— Что именно? — не понял Макс.

— Вот это. — Она прислушалась. — Как будто метроном.

Все замерли. Стук повторился — три раза, ровно, спокойно, — и стих.

— Это вода капает, — сказал Макс. — В старых зданиях всегда что-то капает.

— Вода не капает в ритме, — сказала Лиза.

Макс ничего не ответил. Он открыл дверь и вышел первым.

Фабрика стояла в низине, окружённая кирпичным забором с двумя воротами — одни большие, для машин, другие маленькие, для людей. Большие ворота были заварены, и на них висел замок размером с кулак. Маленькая калитка была приоткрыта и чуть покачивалась, хотя ветра не было.

— Замок новый, — сказал Макс, подойдя к воротам. — Ему лет пять, не больше.

— Значит, кто-то следит за зданием, — сказала Вера. — Это хорошо. Значит, внутри не всё обвалилось.

— Или кто-то следит, чтобы никто не входил, — сказала Соня.

Они обошли фургон, и Артём открыл багажник. Внутри лежали камеры, штативы, микрофоны, осветительные приборы, аккумуляторы, палатка, спальники и ящик с едой. Всё это было аккуратно уложено, как снаряжение экспедиции, и Вера в очередной раз подумала, что Артём готовился к этой поездке тщательнее, чем кто-либо из них.

— Разгружаемся, — сказала она. — Сначала аппаратура, потом вещи. Макс, ты отвечаешь за камеры. Лиза, звук. Соня, свет и питание. Я — общий порядок. Артём…

— Я найду, где мы будем спать, — сказал он.

— Хорошо. И ещё, — Вера обвела их взглядом. — Мы снимаем документальный фильм, а не мистический триллер. Если что-то кажется странным, сначала проверяем, потом обсуждаем. Договорились?

— Договорились, — сказал Макс.

— А если это правда странно? — спросила Соня.

— Тогда тем более сначала проверяем, — ответила Вера.

Они разгружались около получаса. Солнце так и не вышло, но стало светлее, и в этом сером свете фабрика выглядела не страшной, а уставшей. Кирпич местами осыпался, окна на первом этаже были забиты досками, но вторые и третьи этажи сохранились, и в стеклах отражалось небо — рваное, низкое, с птицами, которые кружили над трубой.

Макс первым прошёл через калитку. Двор был большой, заросший травой, с лужами, в которых отражались стены. Он поднял камеру и медленно повёл объективом вокруг.

— Красиво, — сказал он. — По-своему.

— Ты всегда так говоришь, — сказала Лиза, проходя мимо с рюкзаком микрофонов.

— Потому что это всегда красиво. Даже если страшно.

Вера вошла последней. Она остановилась на пороге калитки и посмотрела на двор. Что-то было не так, но она не могла понять что. Двор как двор. Стена, дверь, окна, трава. И всё же в этом было что-то, что заставило её оглянуться, будто кто-то позвал её по имени.

Никого не было. Только Артём у двери цеха, который смотрел не на неё, а на второй этаж.

— Что там? — спросила Вера.

Артём обернулся. Его лицо было спокойным, но глаза — нет.

— Ничего, — сказал он. — Показалось.

Они вошли в цех, и первое, что Вера почувствовала, был запах. Не затхлости, как она ожидала, а машинного масла, пыли и чего-то ещё — сладковатого, незнакомого, как будто в воздухе остался запах старой ткани, которую долго держали в закрытом помещении. Свет, проникавший через щели в забитых окнах, ложился на пол длинными полосами, и в этих полосах медленно кружились пылинки.

Станки стояли рядами. Они были ржавыми, но целыми, и в их очертаниях было что-то живое, как в скелетах больших животных, которые не знают, что уже умерли. Между станками висели нити — тонкие, красные, провисшие от старости. Они свисали с балок и переплетались над головами, и в этом переплетении была странная симметрия, как будто кто-то натягивал их с определённым умыслом.

— Осторожно, — сказал Макс. — Не порвите.

— Почему? — спросила Соня.

— Потому что они старые. И потому что я не хочу, чтобы это место начало на нас реагировать.

— Макс, — сказала Вера. — Ты же сам сказал, что это красиво.

— Красивое место тоже может быть злым, — ответил он и поднял камеру.

Лиза надела наушники и начала записывать звук. Она медленно шла вдоль стены, держа микрофон перед собой, и её лицо было сосредоточенным, как у врача, который слушает чужое сердце.

— Здесь очень тихо, — сказала она. — Я имею в виду, совсем тихо. Не как в лесу, где всегда есть фон. Здесь как будто кто-то выключил фон.

— Это помещение, — сказал Артём. — Толстые стены. Кирпич. Он гасит звук.

— Кирпич не гасит звук до нуля, — сказала Лиза.

Она прошла дальше, к лестнице в конце цеха, и остановилась. Лестница вела наверх, и на ней не было пыли.

— Вера, — позвала она.

Вера подошла. Они стояли перед лестницей вдвоём и смотрели на ступени. Пыль лежала везде: на полу, на станках, на подоконниках — ровным серым слоем, которого не касались десятилетиями. Но на лестнице пыли не было. Ступени были чистыми, как будто по ним только что ходили.

— Это странно, — сказала Вера.

— Это очень странно, — сказала Лиза.

— Может, здесь есть кто-то ещё? — тихо спросила Соня, подошедшая сзади.

Все обернулись к Артёму. Он стоял в стороне, у станка, и смотрел на лестницу спокойно, почти с облегчением.

— Здесь никого нет, — сказал он. — Я проверял. Когда приезжал сюда в первый раз.

— Ты был здесь раньше? — спросила Вера.

Артём помолчал. Потом кивнул.

— Был. Один раз месяц назад. Я хотел убедиться, что место подходит для съёмок.

— И не сказал нам?

— Я сказал бы. Просто не успел. — Он посмотрел на неё прямо. — Вера, я не хотел, чтобы вы отказывались из-за слухов. Вы бы отказались, если бы я рассказал всё, что слышал.

— Что ты слышал?

— Разное, — сказал Артём. — В основном глупости. Но одна вещь была не глупой. Мне сказали, что на этой фабрике нельзя ничего надевать. Особенно то, что здесь находят.

В цехе стало тихо. Даже пыль, казалось, перестала кружиться в полосах света.

— Ты серьёзно? — спросил Макс.

— Я серьёзно передаю то, что мне сказали, — ответил Артём. — Решать вам.

Вера посмотрела на него, потом на лестницу, потом на команду. Она чувствовала, как внутри неё борются два человека: один — режиссёр, который знает, что лучший материал получается там, где страшно. Другой — человек, который слышал в голосе Артёма что-то, что ему не понравилось.

— Мы здесь, чтобы снимать, — сказала она наконец. — Мы не будем ничего надевать и ничего трогать без необходимости. Но и уезжать из-за слухов не будем. Мы взрослые люди.

— Взрослые люди тоже исчезают, — сказала Соня.

— Соня, — Вера повернулась к ней. — Ты можешь уехать. Правда. Я не буду тебя держать. Но если ты остаёшься, ты остаёшься с нами и не паникуешь.

Соня посмотрела на неё, потом на Артёма, потом на тёмный проём лестницы. Она хотела сказать что-то ещё, но вместо этого кивнула.

— Я остаюсь, — сказала она. — Просто… мне здесь не нравится.

— Мне тоже, — сказала Лиза. — Но мне и не должно нравиться. Я звукорежиссёр.

Макс хмыкнул. Это немного разрядило обстановку. Вера улыбнулась и хлопнула в ладоши.

— Так. Давайте работать. Макс, сними общие планы, пока света хватает. Лиза, запиши тишину — нам всё равно нужен чистый фон. Соня, проверь розетки, если они вообще есть, и

найди нам воду. Артём, покажи, где мы будем спать. И все держитесь вместе. Никто не ходит по одному. Это не шутка.

Они разошлись. Макс поднялся на второй этаж — Вера видела, как он идёт по лестнице, и отметила, что он тоже заметил отсутствие пыли, потому что шёл медленно и смотрел под ноги. Лиза вернулась в центр цеха и надела наушники. Соня пошла искать воду. Артём повёл Веру в сторону бытовок.

Они прошли через цех, мимо станков, и Вера поймала себя на том, что считает их. Двенадцать рядов. По двенадцать станков в ряду. Она не знала, почему это показалось ей важным, но цифра осталась в голове, как заноза.

— Артём, — сказала она тихо, когда они отошли достаточно далеко. — Почему ты на самом деле привёл нас сюда?

Он остановился. Обернулся. В его лице не было обиды, только усталость человека, который давно готовился к этому вопросу.

— Потому что это место важно, — сказал он. — И потому что кто-то должен рассказать о нём правду. Я не могу сделать это один. Мне нужны камера и люди, которые умеют задавать вопросы.

— Это всё?

— Это всё, что я готов сказать сейчас, — ответил он.

Вера посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула.

— Хорошо. Но если ты что-то скрываешь, Артём, — и это всплывёт, — я сниму об этом отдельный фильм. И ты будешь в нём главным героем.

Он улыбнулся — на этот раз по-настоящему, уголками губ.

— Договорились.

Они нашли бытовку в конце коридора. Комната была небольшой, с окном, выходящим во двор, и старой печью, которая, к удивлению Веры, была цела. Здесь тоже не было пыли. На столе стояла керосиновая лампа, и в ней было масло.

— Кто-то здесь убирается, — сказала Вера.

— Или место убирает себя само, — сказал Артём.

— Ты сейчас серьёзно?

— Наполовину.

Вера не стала уточнять, какая половина. Она вышла в коридор и посмотрела на дверь в конце. Дверь была закрыта, и на ней висел замок — маленький, старый, но не запертый. Замок просто висел, как украшение.

— Что там? — спросила она.

— Подвал, — сказал Артём. — Там ничего нет. Я смотрел.

— Ты смотрел?

— Месяц назад. Дверь была открыта. Я спустился, посмотрел и вышел.

Вера подошла к двери и положила руку на замок. Металл был холодным, но не ледяным, как бывает металл в неотапливаемом помещении. Он был комнатной температуры, как будто его только что держали в руке.

— Странно, — сказала она.

— Здесь всё странно, — сказал Артём. — Это не значит, что здесь опасно.

Она хотела ответить, но в этот момент сверху раздался голос Макса:

— Вера! Иди сюда. Тебе нужно это увидеть.

Они поднялись на второй этаж. Макс стоял у окна в конце коридора и смотрел во двор. Вера подошла и встала рядом.

Двор был пуст. Только трава, лужи и стена. Но в дальнем углу, у забора, стояла женщина в тёмном платке и смотрела на фабрику. Она была немолодой — лет семидесяти, может, больше,

— но стояла прямо, без палки, и в её позе не было ни страха, ни любопытства. Только терпение. Так стоят люди, которые привыкли ждать.

— Она пришла, пока мы разгружались, — сказал Макс. — Я её снял. Хочешь посмотреть?

Вера посмотрела на него.

— Покажи.

Макс включил камеру и отмотал запись. На маленьком экране появился двор, потом угол забора, потом женщина. Она стояла и смотрела прямо в камеру, как будто знала, где находится объектив. На её шее, поверх тёмной кофты, была тонкая красная нить. И на ней — маленькая рубиновая бусина.

Вера почувствовала, как у неё перехватывает дыхание.

— Приблизь, — сказала она.

Макс приблизил. Кадр поплыл, но на секунду стало видно: нить настоящая. Бусина настоящая. Не украшение из магазина — старая, с гравировкой, потускневшая от времени.

— Это она? — спросил Макс.

— Не знаю, — сказала Вера. — Но нам нужно с ней поговорить.

Она обернулась, чтобы позвать Артёма, но его не было в коридоре. Он остался внизу, у двери в подвал, и стоял там неподвижно, глядя на замок.

— Артём! — позвала Вера.

Он поднял голову.

— Иди сюда. Быстро.

Он поднялся по лестнице — медленно, спокойно, как человек, который уже знает, что увидит. Когда он подошёл к окну и посмотрел на двор, его лицо не изменилось. Только пальцы на мгновение сжались в кулак.

— Это она, — сказал он тихо.

— Кто?

— Женщина, которая мне всё рассказала, — ответил Артём. — Про фабрику. Про нити. Про то, что здесь нельзя надевать. Её зовут Зинаида Марковна. Она живёт здесь, в городе, у реки.

Вера посмотрела на него, потом снова во двор. Женщина стояла на том же месте. Она не двигалась.

— Тогда пойдём поговорим, — сказала Вера.

Они спустились вниз, вышли во двор. Женщина не убежала и не спряталась. Она стояла и смотрела, как они идут к ней, и в её глазах было что-то, от чего Соня остановилась в нескольких шагах.

— Здравствуйте, — сказала Вера. — Мы снимаем документальный фильм о фабрике. Вы местная?

Женщина молчала. Потом посмотрела на Веру, потом на Артёма, потом на нить у себя на шее — коротко, как будто проверяла, на месте ли она.

— Я не местная, — сказала она наконец. — Я здешняя.

— Это одно и то же, — сказал Артём.

— Нет, — ответила женщина. — Местные живут в городе. Здешние — на фабрике. Моя бабушка была здешней.

Вера почувствовала, как что-то холодное проходит по спине.

— Ваша бабушка?

— Зинаида Кузнецова. — Женщина произнесла это имя медленно, как будто оно было тяжёлым. — Она была здесь в той самой смене 1913 году. Она выжила. Вышла и прожила всю жизнь с тем, что сделала.

— С тем, что сделала? — переспросила Вера.

Женщина посмотрела на неё долгим взглядом. Потом покачала головой.

— Это долгая история. И не для улицы. — Она повернулась и пошла к калитке. У порога остановилась и обернулась. — Вы уже нашли шкатулку?

Вера почувствовала, как холодок проходит по спине.

— Какую шкатулку?

Женщина посмотрела на неё. В её глазах не было насмешки — только усталость.

— Значит, ещё нет, — сказала она. — Ну, найдёте. Моя бабушка говорила: «Они всегда находят. Это их работа».

Она вышла за калитку и пошла по дороге, не оборачиваясь. Соня смотрела ей вслед и вдруг сказала:

— Она идёт слишком тихо.

Все посмотрели на дорожку. Женщина шла по мокрой грязи, но шагов не было слышно — ни хлюпанья, ни скрипа. Как будто она ступала по воздуху.

— Это невозможно, — сказал Макс. — Она же не маленькая.

— Вот именно, — сказала Лиза.

Вера обернулась к Артёму. Он стоял бледный и смотрел на дорогу.

— Ты знал, что она придёт, — сказала Вера. Это не было вопросом.

— Я надеялся, — ответил он.

— Зачем?

Артём посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего Вера раньше не видела — не страх, а вину.

— Потому что она — единственная, кто может объяснить, что здесь произошло, — сказал он. — Она знает историю своей бабушки. Она знает имена. Она знает, что случилось. И потому что она сказала мне, что я приведу сюда людей. Тех, кто сможет вспомнить.

— Она сказала тебе это? — спросила Лиза.

— Да. Месяц назад. Когда я приезжал сюда в первый раз. — Артём помолчал. — Она сказала: «Приведи тех, кто умеет слушать. Не тех, кто умеет говорить, а тех, кто умеет слушать». Я тогда не придал этому значения. Теперь придаю.

В цехе за их спинами что-то тихо стукнуло. Все обернулись. Дверь в подвал, которую Вера не закрывала, теперь была приоткрыта. Из-за неё тянуло холодом и очень слабым, почти неслышным запахом старой ткани.

— Мы не пойдём туда сегодня, — сказала Вера. — Мы снимаем цех, берём интервью у этой женщины, если найдём её, и ночуем в бытовке. Всё. Никаких подвалов.

— А завтра? — спросила Соня.

Вера посмотрела на дверь.

— Завтра решим, — сказала она.

Она не знала, что завтра уже не будет таким, как она думает. Она не знала, что дверь в подвал открылась не сама, и что женщина в платке не случайно пришла именно сегодня, и что шкатулка, о которой та говорила, уже ждала их — в темноте, за поворотом коридора, под слоем пыли, которая почему-то не лежала на лестнице.

Она знала только одно: они приехали снимать фильм о проклятом месте. И место уже начало снимать их.

Калитка за их спинами тихо скрипнула и закрылась. Ветра не было.

ГЛАВА 3. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Женщина в платке ушла, и двор снова стал просто двором — мокрым, пустым, с лужами, в которых отражалось серое небо. Но что-то в воздухе изменилось. Вера чувствовала это кожей, как чувствуют приближение грозы за несколько часов до первого грома. Она обернулась к команде. Макс всё ещё держал камеру, но не снимал — просто стоял и смотрел на дорогу, по которой ушла старуха. Лиза сняла наушники и держала их в руке, как будто забыла, что с ними делать. Соня стояла ближе всех к калитке и выглядела так, будто вот-вот побежит следом.

— Кто она? — спросила Вера, глядя на Артёма.

Он не сразу ответил. Сначала посмотрел на дверь в подвал — ту самую, которую Вера не закрывала. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы в щели угадывалась темнота. Потом перевёл взгляд на Веру.

— Её зовут Зинаида Марковна. Она живёт здесь, в городе, на краю, у реки. Я разговаривал с ней месяц назад, когда приезжал сюда в первый раз.

— И что она тебе сказала?

— Да всякого наслушался, — Артём засунул руки в карманы и чуть пожал плечами, будто хотел стряхнуть с себя те давние воспоминания. — В основном то, что я тогда списал на местный фольклор. Она всё рассказывала про смену, которая будто бы исчезла без следа, про какие-то нити, про то, что на фабрике ни в коем случае нельзя ничего надевать. Я кивал, слушал вежливо, а про себя думал: ну вот, пожилая женщина, любит побаловать страшными историями — бывает.

— А теперь? — спросила Лиза.

— А теперь я думаю, что она говорила правду.

Вера посмотрела на него внимательно. В его голосе не было страха — только усталость человека, который долго нёс что-то тяжёлое и наконец решил поставить это на землю.

— Ты знал, что она придёт сегодня?

— Нет. Я не знал. Но она сказала мне тогда, месяц назад, что я вернусь. И что вернусь не один. — Артём помолчал. — Она сказала: «Приведи тех, кто умеет слушать. Не тех, кто умеет говорить, а тех, кто умеет слушать». Я тогда не придал этому значения.

— А сейчас придаёшь?

— Сейчас я придаю значение всему, что она сказала.

Вера кивнула. Она чувствовала, как внутри неё просыпается тот самый режиссёрский инстинкт, который за годы работы научил её доверять неожиданным встречам. Эта женщина знала о фабрике больше, чем все архивы вместе взятые. И она пришла сама. Это было либо предупреждение, либо приглашение. Вера ещё не решила, что именно.

— Мы должны с ней поговорить, — сказала она. — По-настоящему. С камерой, с микрофоном, с вопросами.

— Она не будет говорить под камеру, — сказал Артём.

— Почему?

— Потому что она уже отказалась. Месяц назад. Я предлагал ей записать интервью. Она сказала: «Я не для плёнки. Я для памяти».

— Тогда мы поговорим без камеры, — сказала Вера. — Но поговорим.

Она повернулась к команде.

— Собираемся. Макс, камеру оставь здесь — возьми только маленькую, на всякий случай. Лиза, микрофон не бери, но наушники возьми. Соня, ты идёшь с нами. Артём, ты знаешь, где она живёт.

— Знаю, — сказал Артём.

— Тогда веди.

Они вышли за калитку и пошли по дороге, которая вела обратно в город. Дождь прекратился, но воздух оставался влажным и холодным. Дорога была размытой, и в колее стояла вода. Макс шёл первым, держа маленькую камеру на ремне, и Вера заметила, что он то и дело оглядывается на фабрику.

— Ты что-то видел? — спросила она тихо, поравнявшись с ним.

— Нет, — ответил он. — Но я чувствую, что она смотрит.

— Кто?

— Фабрика. — Он не улыбнулся. — Я знаю, как это звучит.

— Звучит нормально, — сказала Вера. — Я тоже это чувствую.

Они дошли до города за двадцать минут. Улицы были такими же пустыми, как утром, но теперь Вера заметила то, чего не заметила раньше: в окнах стояли люди. Не все. Но многие. Они не прятались за занавесками — просто стояли и смотрели, как команда идёт по улице. Никто не махал рукой. Никто не выходил на крыльцо.

— Как в кино, — сказала Соня. — Про зомби.

— Не смешно, — сказал Макс.

— Я и не шучу.

Артём свернул в переулок, потом ещё раз, и они вышли на улицу, которая спускалась к реке. Дома здесь были старые, деревянные, с резными наличниками, и в одном из них, в самом конце улицы, горел свет в окне. Дом был небольшой, но крепкий, с крышей, покрытой рубероидом, и забором, выкрашенным в зелёный цвет. На заборе сидел чёрный кот и смотрел на них, не мигая.

— Здесь, — сказал Артём и открыл калитку.

Кот спрыгнул и ушёл в траву. Калитка не скрипнула. Дорожка была чистой, как будто её только что подмели. На крыльце стояли резиновые сапоги и висела связка сушёных трав.

Артём постучал. Дверь открылась почти сразу, как будто Зинаида ждала их на пороге. Она была в том же тёмном платке и длинной юбке, и в её глазах не было ни удивления, ни радости — только спокойное узнавание.

— Заходите, — сказала она. — Я знала, что вы придёте.

Дом внутри был тёплым и пах сушёными яблоками и воском. На стенах висели фотографии в деревянных рамках, и Вера машинально отметила, что на всех фотографиях были женщины. Молодые, старые, с детьми и без, в платках и с распущенными волосами. На некоторых были видны тонкие нити на шеях — но Вера не была уверена, что это не обман зрения.

— Садитесь, — сказала Зинаида и указала на стол, накрытый льняной скатертью. — Чай будете?

— Будем, — сказала Вера.

Они сели. Зинаида поставила на стол чайник, чашки, вазочку с сушками и села напротив. Она смотрела на них по очереди — на Веру, на Макса, на Лизу, на Соню, на Артёма, — и в её взгляде было что-то, от чего Соня поёжилась и придвинулась ближе к Лизе.

— Вы пришли спросить про фабрику, — сказала Зинаида. Это не было вопросом.

— Да, — сказала Вера. — Мы снимаем документальный фильм. И мы хотим узнать правду.

— Правду, — повторила Зинаида. — Правда — это не то, что можно снять на камеру. Правда — это то, что остаётся, когда камера выключается.

Она налила чай. Руки у неё были старые, в пятнах, но двигались уверенно.

— Я вам расскажу, — сказала она. — Но не всё. И не так, как вы хотите. Вы хотите историю про призраков и проклятия. А я расскажу вам историю про людей. Это страшнее.

— Мы готовы, — сказала Вера.

Зинаида посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула.

— **«В начале двадцатого века** «на этом месте стоял приют, — начала она, и голос её чуть дрогнул, будто ей было непросто выговаривать эти слова. — Но не такой, каким его обычно представляют. Он не был для сирот. Сюда привозили женщин — тех, от кого отказались семьи. Тех, кого сочли обузой или позором. Некрасивых, непокорных, больных. Тех, кто родил ребёнка вне брака. Тех, кто не желал подчиняться чужим правилам и жить так, как им велели. Их просто оставляли здесь. Говорили, что труд станет их искуплением, что работой они загладят свою «вину». И они работали.

Она помолчала. Потом продолжила:

— Со временем приют перестроили в фабрику, — продолжала она, и в её голосе звучала горькая тяжесть, будто каждое слово давалось нелегко. — Женщины трудились здесь: ткали, шили, пряли. Никто не поднимал на них руку, никто не лишал жизни открыто. Но с ними поступали куда страшнее. У них отнимали прошлое — стирали память, будто вычёркивали из мира не только их судьбы, но и сами имена.

— Как? — тихо спросила Лиза.

— Гипноз, особые ритуалы, мерный стук метронома… — Зинаида подняла взгляд, её глаза будто вновь видели ту мрачную картину прошлого. — И, конечно, нити. А рубиновая бусина — вовсе не украшение. Она служила якорем: пока нить оставалась на шее, память держалась за неё, не рассыпалась. Но стоило доктору начать ритуал — и нить словно вытягивала из человека всё, что было до фабрики. Оставляла лишь одно: работу, смену, стены этого места. Ничего больше.

Вера почувствовала, как у неё пересохло во рту. Она взяла чашку и сделала глоток. Чай был горячим и сладким.

— Откуда вы это знаете? — спросила она.

Зинаида помолчала. Потом сказала:

— Бабушка моя на той фабрике работала, — прошептала она, и имя будто само легло на язык, тёплое и родное, несмотря на всю тяжесть истории. — Зинаида Кузнецова. Как и я. Та самая смена. 1913 год.

Вера почувствовала, как холодок проходит по спине.

— Она выжила?

— Она выжила, — Зинаида подняла на неё взгляд, и в её глазах читалась тихая гордость, смешанная с болью. — Вышла оттуда. Вернулась в этот город. Прожила долгую жизнь — крепкую, достойную, будто сама судьба хотела возместить ей всё, чего её лишили. Но о фабрике она не рассказывала. Ни разу. Ни дочери, ни внукам, ни соседям. Молчала все эти годы. Лишь однажды, уже на пороге смерти, всё рассказала. И взяла с меня слово, что я буду помнить.

— Что она рассказала? — спросила Вера.

— Что она сделала… — Зинаида замолчала, и тишина стала почти осязаемой, будто сама не хотела пропускать эти слова дальше. — Она предала их. Своих подруг, тех, с кем делила каждую смену, каждый тяжёлый день. Она рассказала доктору о готовящемся побеге. И из-за этого остались все двенадцать. Они так и не смогли уйти.

В доме стало очень тихо. Даже чайник, казалось, перестал шуметь.

— Она открыла эту правду мне перед смертью, — продолжила Зинаида, и голос её дрогнул, будто каждое слово тянуло за собой тяжёлый груз прошлого. — Она плакала, слёзы катились по её щекам, а она всё повторяла: «Я не хотела. Я была совсем юной, глупой, не понимала, что творю. Я так хотела домой… Он пообещал, что отпустит меня, шептал, что это единственный выход. Я не знала, не могла представить, что он сделает с остальными».

Она несла эту вину всю жизнь — она въелась в её память, стала частью дыхания, частью каждого шага. А теперь эту ношу несу я. Потому что я — её внучка. И я обязана закончить то, что она так и не смогла довести до конца.

Вера медленно обвела взглядом команду. Макс сидел неподвижно, будто окаменев от услышанного. Лиза сидела с закрытыми глазами — казалось, она пыталась удержать в себе этот рассказ, не дать ему рассыпаться на осколки. Соня побледнела, пальцы едва удерживали чашку, словно та стала неожиданно тяжёлой. Артём смотрел в стол, будто на его поверхности можно было прочесть ответы на все немые вопросы.

— Что вы должны закончить? — спросила Вера.

— Вернуть им имена, — проговорила Зинаида, и взгляд её стал твёрдым, будто в этих словах заключалась вся её решимость. — Отпустить их из этой тишины. Бабушка не смогла этого сделать — страх и вина сковали её крепче любых цепей. Она пронесла этот груз через всю жизнь, не сумев ни сбросить его, ни простить себя. И я росла с этой тяжестью, чувствовала её в каждом слове о прошлом, в каждом молчании. Я столько лет ждала, что придёт кто-то, кто сможет разорвать эту цепь. Кто-то, у кого хватит сил и сердца, чтобы сделать то, что ей оказалось не под силу.

— Вы считаете, что это мы? — тихо спросила Вера, будто боялась спугнуть этот хрупкий момент доверия.

— Я знаю, что это вы, — ответила Зинаида, глядя на неё прямо, без колебаний. — Я видела вас в тот день, когда вы впервые приехали. Стояла у ворот, смотрела, как вы выходите из машины, как оглядываетесь по сторонам — не как чужие, а как те, кто пришёл не ради любопытства, а ради правды. И тогда я поняла: вы — те самые. Те, кто умеет не просто слышать слова, а слушать то, что прячется между ними.

Она помолчала. Потом сказала:

— Но я должна вас предупредить. Нить не надевают ради кадра. Она помнит того, кто её носит. И тот, кто её носит, начинает помнить то, что не должен.

— Что это значит? — спросила Соня.

Зинаида посмотрела на неё. В её глазах была жалость.

— Это значит, что если вы наденете эти нити, вы увидите то, что видели они. И услышите то, что слышали они. И это не будет кино. Это будет ваша память. Но не ваша.

— А если мы уже надели? — спросила Лиза.

Зинаида замерла. Потом медленно перевела взгляд на Лизу. Потом на Веру. Потом на Артёма. И в этом взгляде было столько всего, что Вера почувствовала, как у неё по спине проходит холод.

— Вы надели? — спросила Зинаида.

— Нет, — сказала Вера. — Мы не надели. Пока.

— Пока, — повторила Зинаида. — Это самое опасное слово на этой фабрике.

Она встала и подошла к окну. За окном было серо и тихо, и река текла медленно, как будто нехотя.

— Я скажу вам то, что сказала ему, — Зинаида кивнула на Артёма. — И больше ничего не скажу. — На фабрике есть подвал, — проговорила она тихо, будто боялась, что стены услышат и выдадут тайну раньше срока. — В нём есть ниша — небольшая, почти незаметная, будто специально спрятанная от чужих глаз. А в этой нише стоит шкатулка. И в ней лежат нити. Их ровно пять. И они ждут. Ждут того, кто придёт и поймёт, зачем они здесь.

— Чего ждут? — спросила Вера.

— Тех, кто их наденет, — сказала Зинаида. — Они всегда ждут. И всегда находят. — Она обернулась. — Вы можете уехать. Сейчас. Прямо сейчас, пока не стемнело. И тогда ничего не будет. Ни фильма, ни памяти, ни того, что придёт после.

Вера посмотрела на команду. Макс смотрел в стол. Лиза — на Зинаиду. Соня — на Веру. Артём — на окно.

— А если мы останемся? — спросила Вера.

Зинаида помолчала. Потом сказала:

— Тогда вы узнаете то, что хотели. Но заплатите за это не вы. — Она посмотрела на Артёма. — Заплатит тот, кто вас привёл.

Артём не ответил. Он сидел неподвижно, и на его лице не было ни страха, ни удивления. Только что-то похожее на смирение.

Вера встала.

— Спасибо, — сказала она. — За чай. За рассказ.

— Не благодарите, — сказала Зинаида. — Благодарить будете, если уедете.

Они вышли из дома. Кот снова сидел на заборе и смотрел им вслед. Калитка закрылась без скрипа. Улица была пустой.

Они шли обратно молча. Город казался другим — не враждебным, а выжидающим. В окнах по-прежнему стояли люди. Но теперь Вера заметила, что некоторые из них держали в руках что-то маленькое и красное. Она не была уверена. Может быть, это были яблоки. Может быть, нет.

Когда они вернулись на фабрику, солнце уже клонилось к западу, и тени стали длинными. Двор встретил их тишиной. Всё было на своих местах — фургон, аппаратура, рюкзаки. Но дверь в подвал, которую Вера оставила приоткрытой, была теперь закрыта. И замок на ней висел не так, как раньше. Он был заперт.

— Я её не запирала, — сказала Вера.

— Я тоже, — сказал Макс.

Они стояли перед дверью и смотрели на замок. Он был старый, ржавый, но сейчас в нём торчал ключ. Маленький, медный, с бороздками. Ключ, которого раньше не было.

— Это не наш ключ, — сказала Соня.

— Я знаю, — сказала Вера.

Она протянула руку и коснулась ключа. Он был холодным. Не комнатной температуры, как замок в первый раз, а ледяным, как будто его только что вынули из морозильника.

— Вера, — тихо сказал Артём. — Не надо.

Она обернулась. В его глазах был страх — впервые за всё время.

— Почему?

— Потому что она сказала: нить помнит того, кто её носит. — Он смотрел на ключ. — А ключ помнит того, кто его поворачивает.

Вера убрала руку. Она посмотрела на дверь, потом на команду, потом на окна второго этажа. В одном из них — в том самом, где утром стоял силуэт в белом халате, — сейчас никого не было. Но стекло было открыто. И в комнате за ним горел свет. Слабый, жёлтый, как от керосиновой лампы.

— Мы не будем открывать сегодня, — сказала Вера. — Мы переночуем в бытовке. Утром решим.

— А если утром будет поздно? — спросила Лиза.

Вера посмотрела на неё.

— Тогда мы хотя бы выспимся.

Она сказала это твёрдо, но внутри у неё было другое чувство. Чувство, что они уже опоздали. Что дверь открылась не для того, чтобы они вошли, а для того, чтобы что-то вышло. И что ключ в замке — это не приглашение, а предупреждение.

Они прошли в бытовку и закрыли за собой дверь. Соня включила фонарик. Макс проверил камеру. Лиза надела наушники и начала записывать тишину. Артём сел в углу и закрыл глаза.

Вера стояла у окна и смотрела на двор. Двор был пуст. Только трава, лужи и стена. И где-то в темноте, за калиткой, кто-то стоял и смотрел на фабрику. Она не видела его. Но чувствовала взгляд — тяжёлый, внимательный, ждущий.

Она отвернулась от окна и села рядом с командой.

— Завтра, — сказала она тихо, — мы найдём шкатулку.
Никто не ответил. Но все услышали.

ГЛАВА 4. ВНУТРЬ

Ночь прошла без сна. Никто не сказал об этом вслух, но утром все выглядели так, будто провели её в одном положении — с открытыми глазами и напряжённым слухом. Соня сидела у печи, обхватив колени, и смотрела на огонь, которого не было. Макс лежал на спальнике, но камера была рядом с ним, под рукой. Лиза сидела в углу с наушниками на шее — она сняла их только под утро, когда поняла, что записывает не тишину, а собственное дыхание. Артём спал или делал вид, что спит. Вера не спала совсем.

Она стояла у окна и смотрела на двор. Тот самый ключ в замке подвальной двери она видела даже отсюда — маленькая медная точка в сером утреннем свете. За ночь ничего не изменилось. Двор был пуст. Калитка закрыта. Фабрика стояла тихо, как будто тоже ждала утра.

Когда рассвело достаточно, чтобы можно было работать без фонарей, Вера разбудила остальных — хотя будить никого не пришлось. Они просто встали все одновременно, как по команде, и начали собираться.

— План на сегодня, — сказала Вера, когда они стояли в коридоре перед бытовкой, — простой. Мы входим в цех, снимаем всё, что видим, и ищем шкатулку. Но сначала — разведка. Макс, ты идёшь первым, камера наготове. Лиза, ты слушаешь. Соня, ты держишься за мной. Артём…

Она посмотрела на него. Он стоял у стены, и лицо у него было серое, как утренний свет за окном.

— Артём, ты знаешь это место лучше всех. Ты идёшь рядом со мной и говоришь, если что-то не так.

— Хорошо, — сказал он.

— И ещё одно. — Вера обвела их взглядом. — Никто ничего не надевает. Ничего не трогает без перчаток. Если находим шкатулку — не открываем. Снимаем на камеру, фотографируем, обсуждаем. Только потом решаем, что с ней делать.

— А если она откроется сама? — спросила Соня.

— Тогда мы снимаем это на камеру и уходим, — сказала Вера. — Всё. Пошли.

Они вышли в цех. Утренний свет проникал через щели в забитых окнах и ложился на пол длинными полосами. Пыль в этих полосах кружилась медленно, как будто нехотя, и в этом движении было что-то гипнотическое. Вера поймала себя на том, что смотрит на пылинки слишком долго, и заставила себя отвести взгляд.

Станки стояли рядами. Двенадцать рядов по двенадцать. Она снова посчитала их, хотя не собиралась. Цифра осталась в голове, как будто кто-то записал её туда без её согласия.

Макс поднял камеру и начал снимать. Он двигался медленно, осторожно, как охотник, который не хочет спугнуть дичь. Лиза надела наушники и пошла вдоль стены, держа микрофон перед собой. Соня держалась за спиной Веры, и её дыхание было частым и поверхностным.

Артём шёл рядом с Верой. Он не смотрел по сторонам — он смотрел под ноги, как будто ждал, что пол провалится.

— Где мы будем искать? — спросила Вера тихо.

— В подвале, — сказал он. — Зинаида сказала: в подвале есть ниша. В нише — шкатулка.

— А если мы не хотим идти в подвал?

— Тогда мы не найдём шкатулку. — Артём посмотрел на неё. — Но она сказала, что мы её найдём. Значит, либо мы пойдём в подвал, либо шкатулка найдёт нас сама.

Вера не ответила. Она остановилась у одного из станков и провела пальцем по его поверхности — в перчатке, как велела сама себе. Пыль была толстой, серой, но под ней чувствовался металл. Станок был холодным. Не ледяным, а просто холодным, как всё в этом помещении.

— Вера, — позвал Макс. — Иди сюда.

Он стоял у окна в дальнем конце цеха. Вера подошла. Макс смотрел на стекло — вернее, на то место, где стекло было выбито и заменено досками. Между досками оставалась щель, и в этой щели было видно двор.

— Что там? — спросила Вера.

— Смотри, — сказал Макс и отступил, чтобы она могла посмотреть в камеру.

Вера приникла к видоискателю. На экране был двор — мокрый, серый, с лужами. И у забора, на том самом месте, где вчера стояла Зинаида, стояла женщина. Но это была не Зинаида. Это была молодая женщина в длинном тёмном платье, с распущенными волосами и тонкой нитью на шее. Она стояла неподвижно и смотрела прямо в камеру.

Вера оторвалась от видоискателя и посмотрела в щель между досками. Двор был пуст.

— Ты это видишь? — спросила она.

— Вижу, — сказал Макс. — В камере — да. Глазами — нет.

— Что это значит?

— Это значит, что камера видит то, чего мы не видим. — Макс опустил камеру. — Или то, что хочет, чтобы мы это увидели.

Вера снова посмотрела в видоискатель. Женщина всё ещё стояла там. Она не двигалась. Но теперь Вера заметила, что её губы шевелятся — медленно, беззвучно, как будто она говорила что-то, чего не было слышно.

— Лиза! — позвала Вера. — Иди сюда. Быстро.

Лиза подошла, держа микрофон. Вера показала ей на камеру.

— Смотри.

Лиза посмотрела в видоискатель. Её лицо побледнело.

— Она что-то говорит, — сказала Лиза. — Я вижу, как двигаются губы.

— Ты можешь прочитать?

Лиза всмотрелась. Потом покачала головой.

— Слишком далеко. Но я могу попробовать записать звук. Если она говорит, микрофон может поймать.

Она поднесла микрофон к щели между досками и включила запись. Они стояли так минуту, две, три. Женщина не исчезала. Она стояла и смотрела, и её губы двигались.

Потом она подняла руку и указала на что-то за спиной Веры.

Вера обернулась. За её спиной был цех — станки, колонны, тёмный проём лестницы. Ничего больше.

— На что она показывает? — спросила Соня.

— Не знаю, — сказала Вера.

Она снова посмотрела в камеру. Женщина опустила руку. Теперь она стояла просто неподвижно, и её лицо было печальным — не страшным, а печальным, как у человека, который ждал слишком долго и устал ждать.

— Макс, — сказала Вера. — Ты можешь приблизить?

Макс приблизил. Изображение поплыло, но на секунду стало видно лицо женщины — молодое, бледное, с тёмными глазами. И в этих глазах было что-то, от чего Вера почувствовала, как у неё сжимается горло. Не угроза. Не злость. Просьба.

— Она хочет, чтобы мы что-то сделали, — сказала Вера.

— Или чтобы мы ушли, — сказал Артём.

Вера обернулась. Он стоял в нескольких шагах и смотрел не в камеру, а на неё.

— Ты её видишь? — спросила Вера.

— Нет, — сказал он. — Но я знаю, кто это.

— Кто?

— Её звали Аня. Артём помолчал. — Она была одной из тех двенадцати. Самой молодой. Моя бабушка говорила о ней.

Вера почувствовала, как холодок проходит по спине.

— Твоя бабушка?

— Да, — тихо произнёс Артём. — Моя бабушка была в той самой смене. Ей удалось выжить и выбраться отсюда. Но она никогда не заговаривала об этом — ни разу за всю жизнь. Лишь однажды, уже на пороге смерти, прошептала: «Аня осталась. Аня ждёт».

В цехе стало очень тихо. Даже пыль, казалось, перестала кружиться.

— Ты поэтому привёл нас сюда, — сказала Вера. Это не было вопросом.

— Поэтому, — сказал Артём. — Я хотел найти Аню. И я хотел, чтобы кто-то ещё её увидел. Чтобы это не было только моей памятью.

— Ты мог сказать нам.

— Вы бы не поехали. — Артём посмотрел на неё прямо. — Никто не поедет в место, где живёт чужая бабушка. Но все поедут в место, где живёт легенда.

Вера хотела ответить, но в этот момент Лиза подняла руку.

— Тихо, — сказала она. — Я что-то слышу.

Она надела наушники и прислушалась. Её лицо стало сосредоточенным, потом удивлённым, потом испуганным.

— Что? — спросила Соня.

— Шёпот, — выдохнула Лиза. — Целый хор шёпотов. Женские голоса сливаются, звучат разом — и я не могу уловить ни слова. Но среди них есть один, громче всех. Он будто пробивается сквозь остальные… — Она осеклась и заметно побледнела.

— Что он говорит? — нетерпеливо переспросила Вера.

Лиза медленно стянула наушники и подняла на неё растерянный взгляд.

— Он твердит: «Не снимай. Вспомни».

Вера посмотрела на камеру. Женщина во дворе исчезла. Двор был пуст — только трава, лужи и стена. Но в камере, на последнем кадре, который Макс не выключил, было видно, как она уходит — медленно, не оборачиваясь, и её длинное тёмное платье скользит по мокрой траве, не оставляя следов.

— Мы уходим, — сказала Вера. — Сейчас. Все в бытовку. Обсуждаем, что делать дальше.

— А как же шкатулка? — спросила Соня.

— Шкатулка подождёт, — сказала Вера. — Сначала мы решим, хотим ли мы её вообще находить.

Они вернулись в бытовку и закрыли дверь. Макс поставил камеру на стол и включил запись. На экране снова появилась женщина — Аня — и её беззвучно шевелящиеся губы.

— Мы можем увеличить и прочитать по губам, — сказал Макс. — Если у нас будет достаточно кадров.

— У нас есть кадры, — сказала Лиза. — И у нас есть звук. Я записала шёпот.

Она подключила микрофон к ноутбуку и включила запись. Из динамиков полился тихий шёпот — женский, многоголосый, сливающийся в один поток. Вера наклонилась ближе. Слова были неразборчивы, но ритм был странно знакомым.

— Это как метроном, — сказала Соня. — Только вместо стука — голоса.

— Подождите, — сказала Лиза и что-то настроила. Шёпот стал чище, и теперь можно было разобрать отдельные слова: «…не помню… не хочу… верни…»

— Это не одно сообщение, — сказала Вера. — Это много сообщений. Они говорят одновременно, и каждое — о своём.

— А этот голос? — спросила Лиза и выделила один из шёпотов. — Он говорит: «Не снимай. Вспомни».

— Вспомни что? — спросила Соня.

— Может быть, это не к нам, — сказал Артём. — Может быть, это к Ане.

Все посмотрели на него.

— Она сопротивлялась, — сказал он. — Зинаида сказала, что одна из женщин вспомнила всё, и нить не выдержала. Может быть, это была Аня. Может быть, она всё ещё пытается вспомнить — и просит нас не снимать, а вспомнить вместе с ней.

Вера посмотрела на камеру. На экране Аня стояла во дворе и смотрела прямо в объектив. Её губы двигались.

— Мы можем прочитать по губам? — спросила Вера.

— Я попробую, — сказала Лиза. — Но мне нужно время.

— Сколько?

— Час. Может, два.

— Хорошо, — сказала Вера. — Работай. Макс, ты помогай ей с кадрами. Соня, ты следи за двором — если увидишь кого-то, сразу говори. Артём…

Она посмотрела на него. Он стоял у стены, и лицо у него было виноватым.

— Артём, ты идёшь со мной, — сказала Вера. — Мы поговорим.

Они вышли в коридор. Вера закрыла за собой дверь и прислонилась к стене.

— Ты обязан был рассказать нам, — произнесла она едва слышно. — С самого первого дня. Про бабушку, про Аню, про всё, что знал.

— Я понимаю, — отозвался Артём.

— Так почему молчал?

— Потому что сам не верил, что это правда, — он встретился с ней взглядом. — Эти истории я слышал с детства. Бабушка шептала их, будто сказки на ночь — про фабрику, про женщин, про загадочные нити. Я считал их просто местными легендами, чем-то вроде преданий, которые живут в каждом старом месте. Но когда я приехал сюда месяц назад и увидел всё своими глазами, до меня дошло: это не выдумки. Это случилось здесь. И, кажется, никуда не исчезло.

— Значит, ты хотел, чтобы мы всё увидели.

— Я хотел, чтобы хоть кто-то это увидел, — Артём ненадолго замолчал, подбирая слова. — Я не желал подвергать вас опасности. Просто надеялся, что вы сумеете понять.

Вера долго смотрела на него, будто пыталась прочесть в его глазах что-то ещё, кроме сказанного. Наконец тяжело вздохнула:

— Ты ведь понимаешь, что мы можем уехать. Прямо сейчас. Упаковать вещи, сесть в машину — и уехать отсюда. И никто не станет нас винить.

— Понимаю, — тихо ответил Артём. — Но вы не уедете.

— Почему?

— Потому что вы уже видели Аню. — Он посмотрел ей в глаза. — И потому что вы режиссёр. Вы не уедете, пока не узнаете, чем это закончится.

Вера хотела что-то возразить, но слова застряли в горле. Он был прав — она и сама это чувствовала задолго до его слов. Она не уедет. Не из-за храбрости, а потому, что история уже втянула её в себя — с той самой минуты, когда она увидела ту женщину в камере. И теперь эта история не выпустит её, пока не дойдёт до финала.

— Хорошо, — наконец проговорила Вера. — Мы остаёмся. Но с этого момента никаких тайн. Ты выкладываешь всё: каждое слово, которое помнишь, всё, что рассказывала бабушка, каждую мелочь. Договорились?

— Договорились, — кивнул Артём.

Они вернулись в бытовку. Лиза склонилась над ноутбуком, быстро щёлкая клавишами. Макс стоял рядом, тыча пальцем в кадры на экране. Соня застыла у окна, глядя куда-то вдаль.

— Есть! — воскликнула Лиза, едва они вошли. — Я разобрала по губам. Она повторяет одну и ту же фразу, снова и снова.

— Что там? — встрепенулась Вера.

Лиза развернула ноутбук. На экране мелькали кадры — кадр за кадром, губы Ани складывались в одни и те же слова.

— «Шкатулка в подвале, — прочла Лиза. — Но не открывайте её. Пока не вспомните».

Вера перевела взгляд на Артёма. Он не отрывал глаз от экрана, и в его взгляде мелькнуло что-то новое — то, чего она раньше не замечала. Надежда.

— Вспомнить что? — тихо спросила Соня.

— Либо то, что мы уже забыли, — медленно произнесла Вера, — либо то, что нам только предстоит узнать.

Она покосилась на дверь, ведущую в коридор, а дальше — вниз, в подвал. В замке по-прежнему торчал ключ — маленький, медный, на ощупь ледяной.

— Мы найдём эту шкатулку, — твёрдо сказала Вера. — Но не сегодня. Сегодня мы будем вспоминать.

Она не знала, что вспоминать. Она не знала, как это делать. Но она знала, что Аня ждёт — и что ждать она может очень долго. Дольше, чем они.

За окном снова начался дождь. Он стучал по стеклу ровно и спокойно, как метроном, и в этом стуке Вере слышался ритм, который она уже слышала раньше — в цехе, в первую ночь, когда они только приехали. Только тогда это был стук. А теперь это был голос.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ ДУБЛЬ

Решение снимать пришло к Вере не сразу. Она сидела в бытовке, смотрела на экран ноутбука, где застыл кадр с Аней, и думала о том, что сказала Лиза: «Не снимай. Вспомни». Это было противоречие. Если не снимать — как вспомнить? И что именно они должны вспомнить? Свою жизнь? Чужую? Ту, которую они никогда не знали?

— Может, это не про камеру, — сказала Соня, когда Вера озвучила свои сомнения. — Может, это про нас. Может, она говорит: не снимайте, а просто побудьте здесь. Просто послушайте.

— Мы здесь уже второй день, — сказал Макс. — И пока ничего не вспомнили.

— Может, мы не так вспоминаем, — сказала Лиза. — Память — это не то, что приходит по команде. Она приходит, когда ты не ждёшь.

Вера посмотрела на неё. Потом на Артёма.

— Ты что-нибудь помнишь? Из того, что рассказывала бабушка?

Артём сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Он думал долго, прежде чем ответить.

— Она говорила, что в цехе был метроном. Настоящий, механический. Доктор Крамер ставил его на стол и заводил перед каждым сеансом. И женщины должны были смотреть на маятник. Пока он качается — они помнят. Когда он останавливается — забывают.

— Метроном, — повторила Вера. — Мы слышали его в первый день. И во второй.

— И сегодня утром, — сказала Лиза. — Я записала его. Он стучит в том же ритме, что и шёпот.

Вера встала и подошла к окну. Дождь стучал по стеклу, и в этом стуке не было ритма — просто шум. Но где-то внутри фабрики, за стенами бытовки, за коридором, за цехом, что-то отбивало ровный такт. Она слышала его только когда переставала слушать. Как будто метроном ждал, пока она отвлечётся, чтобы напомнить о себе.

— Хорошо, — сказала она. — Мы будем снимать. Но не так, как планировали. Не интервью, не стендапы, не общие планы. Мы будем снимать то, что происходит. Всё. Без сценария. Без постановки.

— Документальное кино, — сказал Макс.

— Не расследование, а наблюдение, — уточнила Вера. — Мы просто будем находиться там, снимать на камеру, фиксировать всё — каждый звук, каждую деталь. А дальше разберёмся, что из этого выйдет.

— А как же шкатулка? — не унималась Соня.

— Шкатулка никуда не денется, — твёрдо сказала Вера. — Аня ясно сказала: не открывайте, пока не вспомните. Значит, сперва нужно вернуть память. А шкатулку оставим на потом.

Спустя час они вошли в цех. Дождь наконец стих, но небо по-прежнему нависло тяжёлой серой пеленой — свет был тусклым, ровным, будто стёршим все тени. Макс установил камеру на штатив прямо посреди цеха и нацелил её на шеренги старых станков. Лиза тем временем развешивала микрофоны: один — у лестницы, второй — у окна, третий — возле двери в подвал. Соня сжимала в руках направленный микрофон: он пригодится, если какой-нибудь звук раздастся в стороне от основных точек.

Вера встала перед объективом. Она не заучивала никаких слов, да и вообще не знала, что скажет. Мысли путались, а тишина давила.

— Это первый дубль, — произнесла она едва слышно. — Мы на территории заброшенной ткацкой фабрики. В начале прошлого века здесь бесследно пропала целая смена работниц. Что с ними случилось — мы не знаем. И хотим это выяснить.

Она сделала паузу. Камера безмолвно продолжала съёмку. Макс замер в стороне, будто боялся спугнуть момент.

— Если здесь кто-то есть, — тихо добавила Вера, — если кто-то хочет, чтобы правда стала известна, — помогите нам. Мы не ищем ссоры и не хотим никого задеть. Нам важно понять, что здесь произошло.

В цехе повисла тишина. Лишь тонкая пыль медленно кружилась в тусклом свете, оседая на ржавых деталях. Метроном, если он вообще когда-то стучал, сейчас молчал.

— Стоп, — наконец сказала Вера. — Макс, запись идёт?

— Идёт, — отозвался он. — Но… есть кое-что странное.

— Что именно?

— Камера сама сменила фокус. — Макс подошёл к штативу и вгляделся в экран. — Я к настройкам не прикасался. Она сама переключилась — на дверь в подвал.

Вера подошла ближе. На экране чётко проступала дверь — та самая, с массивным замком и торчащим в нём ключом. Она была идеально в фокусе, тогда как всё остальное — станки, стены, пол — утопало в размытии.

— Это жутко, — прошептала Соня.

— Не жутко, — возразила Лиза, глядя на кадр. — Это ответ.

Она стояла у лестницы, и на её лице было выражение человека, который услышал что-то важное.

— Что ты слышишь? — спросила Вера.

— Шёпот. Он стал громче. — Лиза надела наушники и прислушалась. — И он изменился. Раньше это был поток. Теперь это отдельные слова. Одно слово повторяется.

— Какое?

Лиза сняла наушники и посмотрела на Веру.

— «Верни».

Вера почувствовала, как у неё по спине проходит холод. Она обернулась к двери в подвал. Ключ всё ещё торчал в замке. Медный, маленький, холодный.

— Кто говорит? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Лиза. — Но голос женский. Молодой. Он звучит так, как будто человек устал ждать.

— Это Аня? — спросила Соня.

— Может быть, — сказала Лиза. — Но я не уверена. Голосов много, и они сливаются. Но одно слово — «верни» — звучит громче всех.

Вера подошла к двери в подвал. Она не собиралась её открывать. Она просто стояла и смотрела на ключ. Он был холодным — она помнила это. И он был чужим. Но сейчас, глядя на него, она почувствовала что-то ещё. Не страх. Любопытство. Острое, почти физическое желание повернуть ключ и посмотреть, что там, за дверью.

— Вера, — сказал Артём. — Не надо.

Она обернулась. Он стоял в нескольких шагах и смотрел на неё с тревогой.

— Я не собираюсь открывать, — сказала она. — Я просто смотрю.

— Ты смотришь слишком долго, — сказал он. — Я знаю это выражение лица. Бабушка так смотрела, когда вспоминала.

— И что она вспоминала?

— Она никогда не говорила. — Артём подошёл ближе. — Но однажды я застал её у окна. Она стояла и смотрела на улицу, и я спросил, что она видит. Она сказала: «Я вижу Аню. Она стоит у ворот и ждёт, когда я верну ей нить».

Вера посмотрела на него. Потом снова на дверь.

— Нить? — спросила она. — Ту самую?

— Ту самую, — сказал Артём. — Бабушка вынесла свою нить с фабрики. Она хранила её всю жизнь. В шкатулке под кроватью.

— И где она сейчас?

— Я не знаю. — Артём опустил глаза. — После её смерти мы разбирали вещи. Шкатулки не было. Я думал, что её выбросили. Но теперь я думаю, что она вернулась сюда.

— Сюда? На фабрику?

— Здесь всё возвращается, — сказал Артём. — Зинаида говорила: «Место помнит». Я не понимал, что это значит. Теперь понимаю.

Вера снова посмотрела на ключ. Он был всё таким же — медным, маленьким, холодным. Но теперь она знала, что за дверью. Не шкатулка, а память. Чужая память, которая ждала, когда её вернут.

— Мы не будем открывать сегодня, — сказала она. — Но завтра — будем.

— Завтра? — переспросила Соня.

— Завтра мы найдём шкатулку, — сказала Вера. — И тогда решим, что с ней делать.

Она развернулась и направилась обратно в цех. Макс продолжал снимать, Лиза напряжённо вслушивалась в каждый звук, Соня не сводила глаз с двери, а Артём по-прежнему стоял у стены — молчаливый и неподвижный.

Вера подошла к камере, заглянула в объектив.

— Это второй дубль, — произнесла она ровным голосом. — Мы всё ещё здесь. По-прежнему не знаем, что случилось на этой фабрике. Но что-то уже начало всплывать в памяти.

Она и сама не могла сказать, правда ли это — что именно они вспомнили, оставалось загадкой. Но перемена чувствовалась повсюду: в тяжёлом воздухе, в тусклом, словно застывшем свете, в этой звенящей тишине. Казалось, фабрика наконец услышала их слова и теперь осторожно, по крупицам, давала ответы.

За спиной у Веры, в тёмном проёме лестницы, на долю секунды мелькнула тень — стройная женская фигура в длинном платье. Макс не успел поймать её в кадр, Лиза не успела уловить ни шороха, Соня не успела разглядеть. Лишь Вера, резко обернувшись, успела заметить, как тёмный силуэт скользнул по стене и растворился во мраке.

Она не стала ничего говорить вслух. Но этот миг намертво врезался в сознание — первый настоящий осколок памяти, добытый без подсказок, без шёпота чужих голосов, без чужих воспоминаний. Просто увидела — и навсегда запомнила.

— Продолжаем, — твёрдо сказала Вера. — Снимаем дальше.

ГЛАВА 6. ПОДВАЛ

Утро третьего дня началось с тишины. Не той плотной, звенящей тишины, которая встречала их в первый день, а другой — мягкой, выжидающей, как будто фабрика притихла, чтобы услышать, что они будут делать. Вера проснулась первой. Она лежала на спальнике, смотрела в потолок и слушала. Метроном молчал. Шёпот — если он и был — не доносился до бытовки. Только дождь, который снова начался ночью, тихо стучал по крыше.

Вера тихо поднялась и, стараясь не издавать ни звука, подошла к окну. Двор лежал перед ней — мокрый, безлюдный, застывший в утренней тишине. Калитка по-прежнему была заперта, а ключ в замке подвальной двери оставался на своём месте. Всё выглядело точно так же, как они оставили вчера. И всё же воздух будто стал тяжелее, пространство — напряжённее. Вера ощущала эту перемену каждой клеточкой — такое чувство накатывает перед чем-то важным: перед откровением, которое зрело неделями, или перед разговором, без которого дальше нельзя.

— Ты не спишь? — прозвучал голос за спиной.

Она резко обернулась. Артём сидел на спальнике, привалившись спиной к стене. Глаза у него были открыты, а в лице читалась та самая усталость, которая бывает после бессонной ночи.

— Не сплю, — тихо ответила Вера. — Ты тоже?

— Не получается уснуть, — признался он и ненадолго замолчал. — Всё думаю о бабушке… О её последних словах: «Аня ждёт». Раньше я считал это просто отголоском угасающей памяти, чем-то вроде бреда на пороге смерти. А теперь мне кажется, что она имела в виду нечто совсем другое. Буквально.

— Буквально? — переспросила Вера, вглядываясь в его лицо.

— Да. Аня ждёт — не просто как воспоминание. Она ждёт, что кто-то вернёт ей нить. Или хотя бы вспомнит о ней. Или откроет ту самую шкатулку и поставит точку в истории, которая началась здесь сто лет назад.

Вера присела на край стола и посмотрела на Артёма.

— Ты хочешь сказать, что нам придётся открыть шкатулку?

— Думаю, у нас уже нет выбора, — глухо произнёс он. — Мы ведь уже вступили в эту историю. Ещё в первый день — когда надели эти нити. С того момента мы перестали быть прежними. Ты видела тень на лестнице. Макс замечает женщину в камере. Лиза слышит шёпот, который никто другой не улавливает. А Соня… — Он запнулся, будто не решаясь продолжать.

— Что с Соней? — настойчиво спросила Вера.

— Она видит сны, — тихо сказал Артём. — Сама ничего не рассказывает, но я слышал, как она бормочет во сне. Называет женские имена — одно за другим. И я понятия не имею, откуда они берутся.

Вера посмотрела на Соню. Та спала в углу, свернувшись калачиком, и её лицо было спокойным — впервые за всё время. Как будто во сне она была где-то далеко отсюда.

— Сегодня мы спустимся вниз, — твёрдо сказала Вера. — Но не всей группой. Сначала разведка — пойдут только я и Макс. Лиза и Соня останутся наверху: будут следить и прислушиваться. Артём…

— Я иду с вами, — перебил он, не дав ей договорить.

— Ты точно этого хочешь? — уточнила Вера.

— Должен идти, — ответил Артём, глядя ей прямо в глаза. — Это я привёл вас сюда. Не могу сидеть наверху, пока вы спускаетесь в подвал.

Вера чуть помедлила, потом кивнула:

— Ладно. Тогда пора собираться.

Они разбудили остальных. Соня просыпалась тяжело, будто сон цеплялся за неё и не хотел отпускать. Она обводила комнату мутным взглядом, ещё не соображая, где находится и что происходит. Лиза, напротив, уже была на ногах — сидела в углу, в наушниках, и быстро черкала что-то в блокноте.

— Чем ты занималась? — спросила Вера.

— Прислушивалась, — ответила Лиза, не поднимая глаз. — Ночью шёпот изменился. Он больше не твердит «верни». Теперь он говорит «иди».

— Куда? — выдохнула Вера.

— Вниз, — коротко бросила Лиза.

Вера перевела взгляд на дверь в подвал, потом — на своих спутников.

— Вот какой план, — сказала она, стараясь говорить спокойно и чётко. — Вниз идём я, Макс и Артём. Лиза и Соня остаются наверху. Лиза, ты фиксируешь всё, что услышишь. Соня, ты наблюдаешь за двором и лестницей. Если что-то пойдёт не так — не ждите. Сразу к фургону и уезжайте в город. Ясно?

— А вы? — тихо спросила Соня.

— Мы выйдем следом, — заверила Вера. — Если через час нас не будет — уезжайте без нас и вызывайте полицию.

Соня хотела возразить, но Лиза мягко положила ей руку на плечо.

— Ясно, — спокойно произнесла Лиза. — Час.

Сборы заняли немного времени. Макс закинул в сумку камеру, надел налобный фонарь и прихватил запасную батарею. Артём взял фонарь и старый рюкзак — внутри что-то тихо звякнуло. Вера положила в карман блокнот, диктофон и маленький фонарик. Камеру она брать не стала: хотела видеть всё собственными глазами, без объектива между собой и тем, что ждёт внизу.

Они вышли в коридор. Дверь в подвал виднелась в самом конце — та самая, с медным ключом, по-прежнему торчавшим в замке. Вера подошла и остановилась перед ней.

— Ключ всё ещё здесь, — тихо сказала она.

— Он и будет здесь, — отозвался Артём. — Пока мы не решимся повернуть его.

Вера взялась за ключ. Металл был ледяным, точно таким же, как в тот первый раз. Она медленно повернула ключ. Замок щёлкнул — сухо, отчётливо, будто эхом отозвался на их решение, как тогда, в первую ночь, когда этот звук впервые прозвучал в пустом цехе. Дверь распахнулась сама, без привычного скрипа, а из тёмного проёма потянуло холодом и странным сладковатым запахом — будто воздух пропитался запахом старой, давно не используемой ткани.

— Готовы? — спросила Вера, сдерживая дрожь в голосе.

— Нет, — честно признался Макс. — Но разве это когда-нибудь кого-то останавливало?

Он включил камеру. Вера зажгла фонарик. Артём щёлкнул выключателем своего фонаря. Три луча света легли на каменные ступени, уходившие вниз, в полумрак.

— Пошли, — сказала Вера.

Они спускались осторожно, шаг за шагом. Ступени были старыми, посередине — глубоко стёртыми, будто по ним ходили десятилетиями. В луче фонаря отчётливо виднелись эти выемки — следы бесчисленных ног. При этом пыли не было вовсе. Ни на ступенях, ни на полу — совсем как на лестнице в цехе.

— Похоже, тут кто-то регулярно убирает, — пробормотал Макс.

— Или тут просто не бывает пыли, — возразил Артём.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Вера.

— То, что время здесь течёт иначе, чем наверху. По-другому.

Наконец они добрались до низа и оказались в узком длинном коридоре. Стены из кирпича, потолок — низкий, давящий. Лампы на потолке были разбиты, и лишь лучи фонарей

вырывали из темноты отдельные куски пространства: шершавый кирпич, тёмные пятна на полу, острые углы. Коридор тянулся вперёд и растворялся во мраке.

— Куда дальше? — спросил Макс, нервно поводя лучом фонаря.

— Прямо, — твёрдо сказала Вера. — Пока не упрёмся во что-нибудь.

Они двинулись вперёд, ступая медленно и осторожно. Вера невольно начала считать шаги — просто чтобы не думать о том, что ждёт впереди. На двадцатом шаге она вдруг заметила, что цвет стен изменился: кирпич стал темнее, будто его сильнее обжигали. На сороковом шаге на стене появились надписи — старые, выцветшие, но всё ещё различимые.

— Стой, — тихо сказала Вера. — Макс, направь свет сюда.

Макс поднёс камеру ближе, и в свете фонаря проступили буквы — выцарапанные чем-то острым, глубокие, неровные. Это были не имена, а фразы:

«Я помню своё имя».

«Меня зовут Мария».

«Я не хочу забывать».

Вера провела пальцем по буквам. Штрихи были древними, покрытыми едва уловимой патиной времени. Но чуть ниже, почти вплотную к старым, виднелись другие надписи — свежие, будто их оставили совсем недавно:

«Я помню своё имя».

«Меня зовут Аня».

У Веры перехватило дыхание.

— Это она, — прошептала она. — Аня. Она была здесь. Это её слова.

— Когда она их оставила? — спросил Макс.

— Не знаю, — Вера подняла глаза на Артёма. — Ты знал про эти надписи?

— Нет, — покачал головой Артём. — Я раньше не заходил так далеко. Только в начало коридора спускался.

Они пошли дальше. Надписи теперь попадались всё чаще. «Я помню», «Я не забуду», «Верните мне моё имя». Под каждой фразой — подпись: Мария, Ольга, Наталья, Евдокия, Анна…

— Это они, — тихо произнесла Вера. — Все двенадцать. Те, кто исчез.

— Тут больше двенадцати, — тихо сказал Макс, водя лучом по стене.

Он направил камеру на участок стены, густо покрытый надписями. Их были десятки, а может, и сотни. Они шли рядами, наслаивались друг на друга, покрывали кирпич, словно кора — дерево. Под каждой — имя. Некоторые повторялись. Некоторые были выцарапаны с такой яростью, что камень крошился, оставляя мелкие осколки у подножия стены.

— Здесь были сотни женщин, — глухо сказала Вера. — Двенадцать — это те, кто пропал без следа. А остальные… — Она осеклась, не в силах подобрать слова.

Они спускались, стараясь ступать как можно тише, шаг за шагом. Ступени давно состарились: посередине на каждой виднелись глубокие впадины — след тысяч ног, что прошли здесь за долгие годы. Луч фонаря выхватывал эти выемки, подчёркивая, сколько людей когда-то торопились по этой лестнице. При этом вокруг не было ни пылинки — ни на ступенях, ни на полу. Совсем как на той лестнице в цехе.

— Будто тут кто-то каждый день подметает, — тихо пробормотал Макс, оглядываясь по сторонам.

— Или пыль здесь просто не оседает, — возразил Артём.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась Вера, вглядываясь в полумрак.

— То, что время тут живёт по своим правилам. Не так, как наверху.

Наконец они достигли нижней площадки и оказались в длинном узком коридоре. Кирпичные стены давили своей тяжестью, низкий потолок будто стремился опуститься ещё ниже. Лампы на потолке были разбиты, и только узкие лучи фонарей выхватывали из темноты отдель-

ные фрагменты: шершавую поверхность кирпича, тёмные пятна на полу, острые углы, казавшиеся особенно зловещими в неровном свете. Коридор уходил вперёд и постепенно растворялся во тьме.

— Куда теперь? — спросил Макс, нервно водя лучом фонаря из стороны в сторону.

— Прямо, — твёрдо ответила Вера. — Пока не наткнёмся на стену или дверь.

Они двинулись дальше, ступая медленно и настороженно. Вера сама не заметила, как начала считать шаги — просто чтобы чем-то занять голову и не поддаваться нарастающему внутри холоду. На двадцатом шаге она вдруг обратила внимание, что цвет стен изменился: кирпич стал заметно темнее, словно его обжигали при другой температуре. А на сороковом шаге на стене показались надписи — старые, выцветшие от времени, но всё ещё читаемые.

— Остановись, — тихо сказала Вера. — Макс, посвети сюда.

Макс поднёс камеру ближе, и в свете фонаря проступили буквы — неровные, глубоко выцарапанные чем-то острым. Это были не просто имена, а короткие фразы, полные отчаяния:

«Я помню своё имя».

«Меня зовут Мария».

«Я не хочу забывать».

Вера осторожно провела пальцем по буквам. Штрихи были древними, покрытыми едва заметной патиной, словно время оставило на них свой тонкий след. Но чуть ниже, почти вплотную к этим старым надписям, виднелись другие — свежие, будто их оставили совсем недавно:

«Я помню своё имя».

«Меня зовут Аня».

У Веры перехватило дыхание, и на мгновение ей показалось, что воздух в коридоре стал гуще, тяжелее.

— Это она, — прошептала Вера. — Аня. Она была здесь. Это её слова.

— Когда она успела это написать? — тихо спросил Макс.

— Не знаю, — Вера подняла глаза на Артёма. — Ты раньше видел эти надписи?

— Нет, — покачал головой Артём, голос его звучал глухо. — Я никогда не заходил так далеко. Только в самом начале коридора бывал.

Они пошли дальше. Теперь надписи встречались всё чаще, будто стена хотела рассказать им всё сразу, не оставляя времени на передышку. «Я помню», «Я не забуду», «Верните мне моё имя». Под каждой фразой — подпись: Мария, Ольга, Наталья, Евдокия, Анна…

— Это они, — тихо произнесла Вера, почти не дыша. — Все двенадцать. Те, кто исчез.

— Тут явно больше двенадцати, — негромко сказал Макс, водя лучом по стене.

Он направил камеру на участок, густо покрытый надписями. Их были десятки, а может, и сотни. Они наслаивались друг на друга, шли рядами, покрывая кирпич, словно грубая кора покрывает старое дерево. Под каждой — имя. Некоторые повторялись по несколько раз, будто человек пытался убедить себя, что его имя ещё что-то значит. Другие были выцарапаны с такой силой, что камень крошился, и у подножия стены лежали мелкие осколки, похожие на застывшие слёзы.

— Здесь были сотни женщин, — глухо сказала Вера, и голос её дрогнул. — Двенадцать — это те, кто пропал без следа. А остальные… — Она осеклась, не находя слов, способных вместить эту тяжесть.

— Получается, нам предстоит прожить то, что когда-то пережили они, — тихо сказала Вера. — Не буквально, конечно. Но мы обязаны прочувствовать то же самое: этот липкий страх, горечь утраты, ужас перед тем, как тебя стирают из памяти.

Она перевела взгляд на шкатулку, стоявшую на столе.

— Мы её откроем, — твёрдо добавила она. — Но не сейчас. Сегодня попробуем вспомнить всё сами. Без нитей, без ритуалов, без чужой помощи. Просто вытащить воспоминания на свет.

— Что именно? — растерянно спросила Соня.

— Всё, что мы знаем о себе, — пояснила Вера, глядя прямо на неё. — Всё, от чего хотелось отмахнуться. Всё, что старательно прятали в самых дальних углах памяти. Дело в том, что нить держится именно за то, что ты отчаянно хочешь забыть. А если мы сами вытащим эти воспоминания наружу — возможно, нити будет не за что цепляться.

В бытовке повисла тишина. За окном снова пошёл дождь — ровный, монотонный, будто кто-то аккуратно отбивал ритм на старом метрономе. Вера снова посмотрела на шкатулку. Рубиновая бусина на крышке тускло мерцала в сером свете, словно пульсировала в такт каплям.

— Сегодня, — сказала Вера, чуть понизив голос, — мы будем говорить. Каждый расскажет о том, что мечтал бы стереть из своей памяти. Так мы поймём, что именно нас держит здесь, не даёт уйти.

Она опустилась на стул и обвела взглядом команду.

— Кто начнёт?

ГЛАВА 7. РАДИ КАДРА

Первым вызвался Макс. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и камера лежала рядом с ним — выключенная, впервые за всё время. Он смотрел на неё, как смотрят на человека, с которым поссорились.

— Я не люблю вспоминать, — сказал он тихо. — Но раз надо, я скажу. Я вырос в семье, где всё было нормально. Слишком нормально. Родители никогда не ссорились, никогда не ругались, никогда не говорили друг другу плохих слов. И я думал, что так и должно быть. Что любовь — это когда всё гладко. А потом я вырос и понял, что не умею чувствовать. Вообще. Ни страх, ни радость, ни злость. Я смотрю на людей и вижу, как они переживают, а внутри у меня — тишина. Как в камере, когда объектив закрыт. И я думал, что это нормально. Что это и есть спокойствие. А потом я приехал сюда, и эта женщина в камере... Аня... Она смотрела на меня, и я почувствовал что-то. Впервые за много лет. И это было так странно, что я испугался. Не её, а себя.

Он замолчал. Вера не перебивала. Никто не перебивал.

— Я хотел бы забыть, что я ничего не чувствую, — сказал Макс. — Но я не могу. Потому что это и есть я.

— Спасибо, — сказала Вера тихо. — Кто следующий?

Лиза подняла руку. Она сидела на стуле, и наушники висели у неё на шее, как ожерелье.

— Нам нужно прочувствовать то, через что прошли они, — сказала Вера, и голос её звучал твёрдо, но в нём слышалась усталость. — Не буквально, разумеется. Но мы обязаны ощутить тот же холод внутри — тот самый страх, горечь утраты, ужас от того, как тебя стирают из памяти, будто тебя никогда и не было.

Она снова взглянула на шкатулку, застывшую на столе.

— Мы её откроем, — повторила она. — Но не сейчас. Сегодня попробуем вспомнить всё сами. Без нитей, без ритуалов — просто вытащить наружу то, что годами пряталось в глубине.

— Что именно? — тихо спросила Соня, будто боялась услышать ответ.

— Всё, что мы знаем о себе, — пояснила Вера, глядя ей прямо в глаза. — Всё, от чего хотелось сбежать. Всё, что мы старательно запирали подальше, чтобы не видеть и не чувствовать. Ведь нить держится именно за то, что ты изо всех сил стараешься забыть. А если мы сами вытащим эти воспоминания на свет — возможно, ей будет не за что уцепиться.

В бытовке повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь ровным стуком дождя за окном — он лился спокойно, размеренно, словно отсчитывал ритм старого метронома. Рубиновая бусина на крышке шкатулки тускло мерцала в сером свете, будто пульсировала в такт каплям.

— Сегодня, — произнесла Вера чуть тише, но с той же твёрдостью, — мы будем говорить. Каждый расскажет о том, что мечтал бы стереть из своей памяти. Так мы поймём, что именно держит нас здесь, не даёт просто развернуться и уйти.

Она опустилась на стул и обвела взглядом своих спутников.

— Кто начнёт?

— Я слышу больше, чем хочу, — заговорила она, и в её голосе прозвучала давняя, въевшаяся в душу усталость. — Всегда. С самого детства. Люди произносят одни слова, а я улавливаю совсем другое — не мысли, а интонации, полутона, то, что прячется между строк. Я выросла среди постоянного шума: мама кричала на папу, папа — на маму, брат — на всех подряд. А я слышала всё до единого слова, каждую нотку в голосе, и никак не могла это отключить. Надевала наушники, включала музыку на полную, чтобы заглушить этот хаос, но даже музыка будто шептала мне что-то своё. Я бы хотела забыть эту свою способность слышать всё. Но не могу. Потому что это и есть я.

— Спасибо, — тихо сказала Вера.

Соня сидела в углу, крепко обхватив колени, и казалась совсем маленькой, почти хрупкой.

— Я боюсь остаться одна, — призналась она едва слышно. — Всегда боялась. В детстве мне казалось, что, если я останусь одна, я просто исчезну. Будто меня и не было никогда, и никто этого даже не заметит. Поэтому я цеплялась за людей — за родителей, за друзей, за кого угодно. Соглашалась на всё, лишь бы не чувствовать этого ужаса одиночества. Я бы хотела стереть из памяти этот страх. Но когда я приехала сюда, поняла, что я не одна. Здесь столько женщин… Они не призраки. Они просто… здесь. Смотрят. Ждут.

Она замолчала. Вера посмотрела на неё с искренним удивлением.

— Ты действительно это чувствуешь? — спросила она.

— Да, — кивнула Соня. — Я раньше не говорила, потому что думала, что это звучит странно. Но они здесь. И они не отпустят меня, даже если я сама захочу уйти.

Вера перевела взгляд на Артёма.

— Твоя очередь.

Артём сидел на полу, его лицо оставалось неподвижным, будто он пытался удержать внутри бурю мыслей. Он долго молчал, подбирая слова.

— Моя бабушка выжила, — наконец произнёс он. — Она ушла с фабрики, но так и не смогла уйти из той смены. Всю жизнь она носила в себе то, что с ней сделали. И почти никогда об этом не говорила. Лишь однажды, перед смертью, прошептала: «Я предала Аню. Не вернула ей нить». И я вырос с этим грузом. С ощущением, что должен всё исправить. Должен вернуть то, что она не смогла. Я бы хотел забыть, что я — внук женщины, которая считает, что предала подругу. Но не могу. Потому что эта тяжесть — часть меня.

Вера немного помолчала, собираясь с силами.

— Теперь моя очередь, — сказала она и сделала глубокий вдох. — Я хотела бы забыть это вечное чувство, что я никогда не была достаточно хороша. Ни для отца, ни для учителей, ни даже для самой себя. Поэтому я снимаю фильмы — пытаюсь доказать, что чего-то стою. Но каждый раз мне кажется, что этого мало, что я опять не дотянула. Хотела бы стереть из памяти это бесконечное «недостаточно». Но не могу. Ведь именно оно толкает меня вперёд.

Она умолкла. В бытовке стало тихо — только дождь продолжал стучать по крыше, отсчитывая секунды.

— И что теперь? — спросил Макс, нарушив тишину.

— Теперь мы знаем, за что может зацепиться нить, — ответила Вера. — За наши страхи. За старую боль. За то, что мы годами пытались забыть. А раз мы это видим, можем этому противостоять.

— Как? — подняла глаза Соня.

— Напоминать себе, что это не вся мы, — спокойно сказала Вера. — Это только часть нас — тяжёлая, болезненная, но не единственная. И мы сильнее, чем наши страхи.

Вера перевела взгляд на шкатулку. Та по-прежнему стояла на столе, и рубиновая бусина на крышке словно тлела, отбрасывая багровые отсветы.

— Но мы так и не вспомнили то, что должны, — тихо сказала Лиза. — Мы заглянули в себя, разобрали свои страхи… а их историю так и не увидели.

— Аня говорила: «Не открывай, пока не вспомнишь», — отозвалась Вера. — Возможно, она как раз это и имела в виду. Вспомни себя: свои страхи, свою боль. Тогда нить не сможет за тебя зацепиться — потому что ты уже знаешь, что прячется внутри.

Она взяла шкатулку и поставила её в центр стола, будто выносила на суд всей команды.

— Мы её откроем, — сказала Вера. — Но не для того, чтобы подчиниться ритуалу. А чтобы понять, что в ней. И уже потом решить, как с этим быть.

— Ты уверена? — спросил Артём, в его голосе слышалась тревога.

— Нет, — честно призналась Вера. — Но я уверена в одном: мы не можем бесконечно прятаться за сомнениями. Мы приехали снимать фильм. И мы его снимем — даже если придётся идти туда, где страшно.

Она откинула крышку шкатулки.

Внутри лежали нити — ровно пять. Тонкие, алые, с рубиновыми бусинами. Они покоились на бархате, тёмно-красном, почти чёрном, напоминавшем засохшую кровь. Вера смотрела на них, и руки у неё слегка дрожали.

— Они красивые, — тихо произнесла Соня, будто боялась спугнуть момент.

— Они опасные, — жёстко сказал Артём.

— И то, и другое, — спокойно ответила Вера. — Как почти всё в этом месте.

Она осторожно взяла одну нить. Та оказалась тёплой — такой же тёплой, как шкатулка, как тот самый ключ в первый раз. Вера поднесла бусину к свету: казалось, внутри неё пульсирует крошечный огонёк.

— Мы наденем их, — твёрдо произнесла она. — Все пятеро. Не как часть какого-то ритуала, а ради того, чтобы прорваться сквозь туман и наконец увидеть правду.

— Вера, — осторожно произнёс Макс. — Ты точно этого хочешь?

— Нет, — снова призналась она. — Но точно знаю другое: если мы не сделаем этого сейчас, мы никогда не узнаем, что здесь произошло. А уехать, так ничего и не поняв, я не могу.

Она надела нить. Та легла на шею странно — будто живая: тёплая, чуть пульсирующая. Бусина коснулась кожи, и по телу прокатилась волна тепла, словно нить пыталась с ней заговорить.

— Теперь вы, — тихо сказала Вера.

Макс надел вторую нить. Лиза — третью. Соня — четвёртую. Артём медлил дольше всех, будто прислушивался к себе, но в конце концов взял последнюю и застегнул застёжку на шее.

— Что теперь? — спросил он, глядя на Веру.

— Теперь работаем, — твёрдо сказала Вера. — Макс, бери камеру. Лиза, следи за звуком. Соня, настрой свет. Артём… просто будь рядом.

Они вышли в цех. Вера шла впереди, и нить на её шее покачивалась в такт шагам. В цехе стояла глубокая тишина. Метроном молчал, шёпот не доносился ниоткуда. Но Вера чувствовала: что-то изменилось. Воздух стал гуще, плотнее, будто перед надвигающейся грозой.

— Начинаем, — произнесла она.

Макс поднял камеру. Лиза надела наушники, вслушиваясь в каждый шорох. Соня включила свет — яркий, резкий, безжалостно высвечивающий каждую деталь. Артём остался чуть в стороне, не сводя глаз с команды.

Вера подошла к старому станку и положила ладонь на холодный металл.

— Это первый дубль, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы надели нити. Мы не знаем, что будет дальше. Но мы готовы.

Она замолчала. В цехе по-прежнему было тихо. И вдруг, где-то в глубине фабрики, щёлкнул метроном.

Один удар. Второй. Третий.

И свет погас.

ГЛАВА 8. ПЕРВЫЕ СТРАННОСТИ

Темнота была не полной. В цехе остались щели между досками на окнах, и через них проникал серый свет — тусклый, но достаточный, чтобы видеть силуэты. Вера стояла у станка и чувствовала, как нить на её шее нагревается. Не сильно — просто теплеет, как будто к бусине поднесли спичку.

— Макс? — позвала она. — Ты здесь?

— Здесь, — ответил он откуда-то слева. — Камера работает. Аккумулятор не сел.

— Почему свет погас?

— Не знаю. — Пауза. — Подожди.

Щёлкнул тумблер. Свет не вернулся. Макс выругался тихо и щёлкнул ещё раз.

— Генератор? — спросила Соня. Её голос дрожал.

— Генератора здесь нет, — сказал Артём. — Мы работали от аккумуляторов. Они не должны были сесть.

— Они и не сели, — сказал Макс. — Камера работает. Свет — нет.

Вера почувствовала, как что-то коснулось её руки. Она дёрнулась, но это была Лиза.

— Тихо, — сказала Лиза. — Слушайте.

Они застыли на месте, будто время в цехе на мгновение остановилось. Тишина висела в воздухе — и вдруг её разорвал звук. Не метроном, не шёпот, а что-то совсем иное. Ровный, едва уловимый гул, словно где-то вдалеке заработал один станок. Потом второй. Третий. Они гудели, щёлкали, скрипели — и этот звук нарастал, заполняя пространство цеха, как вода медленно заливает лодку, вытесняя воздух.

— Это станки, — выдохнула Соня. — Они работают.

— Не могут, — резко возразил Артём. — Они проржавели насквозь. Там нет ни проводки, ни питания. Ничего.

— Тогда откуда этот звук? — Вера вглядывалась в полумрак, будто надеялась разглядеть источник.

Ответа не было. Гул становился всё громче. К нему прибавился другой звук — тонкий, высокий, похожий на протяжную ноту. Женский голос. Потом ещё один. И ещё. Они тянули одну и ту же ноту, без слов, и эта нота вибрировала в воздухе, как натянутая струна, отзываясь где-то внутри.

— Лиза, — позвала Вера. — Ты слышишь это?

Лиза не ответила. Вера обернулась. Лиза стояла неподвижно, глаза закрыты, наушники зажаты в руке. По её щекам катились слёзы.

— Лиза!

— Они поют, — тихо прошептала Лиза, не открывая глаз. — Ту самую песню. Ту, что пела мама, когда я была маленькой. Она напевала её, думая, что я уже сплю.

— Какую песню? — переспросила Вера, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Слов не помню. Только мелодию. И сейчас они поют её все вместе.

Вера резко повернулась к Максу. Он стоял с камерой, уставившись в видоискатель. Лицо было бледным, почти серым, а руки слегка дрожали.

— Макс? — позвала она. — Что ты видишь?

Он не ответил сразу. Продолжал смотреть в камеру, будто боялся отвести взгляд. Потом медленно опустил её и посмотрел на Веру.

— Я вижу их, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Женщин. Они стоят у станков. Работают. И… смотрят на меня. Прямо в глаза.

— Где? — Вера всматривалась туда, куда он указывал. — Я ничего не вижу.

— Везде, — Макс обвёл рукой пространство цеха. — У каждого станка. Двенадцать женщин. Они не призраки. Они… как мы. Только в старых платьях. Такие настоящие, что хочется подойти и коснуться.

Вера вгляделась в полумрак. Перед ней по-прежнему были только ржавые станки, покрытые пылью, пустые и безжизненные. Никаких женщин. Но она вдруг почувствовала их — не глазами, а кожей. Ощутила, что у каждого станка кто-то стоит и смотрит на неё. Ждёт.

— Я их не вижу, — призналась она, голос дрогнул.

— И я не вижу, — тихо сказала Соня, прижимая руки к груди.

— А я слышу, — прошептала Лиза. — И чувствую. Они здесь. Все до одной.

Макс снова поднял камеру. Снимал медленно, плавно поворачиваясь, будто хотел захватить весь цех. Вера заметила, как шевелятся его губы — он что-то шептал. Она подошла ближе и наконец расслышала:

— Не бойтесь. Мы не причиним вам зла. Мы просто хотим, чтобы вы вспомнили.

— Макс, — осторожно позвала Вера. — С кем ты говоришь?

Он обернулся. Взгляд у него был странный — не испуганный, а будто отсутствующий, как будто только что вернулся из далёкого места.

— С ними, — сказал он. — Они спрашивают, помним ли мы. Я отвечаю, что не помним. А они говорят — ничего. Говорят, что мы обязательно вспомним.

— Макс, посмотри на меня, — Вера взяла его за руку, чтобы вернуть в реальность.

Он посмотрел. И в его глазах что-то изменилось — словно пелена спала, и он снова увидел её, а не что-то за её спиной.

— Что? — спросил он, будто только сейчас осознал, где находится.

— Ты говорил с ними. С этими женщинами. Что они тебе сказали?

Макс помолчал, собираясь с мыслями.

— Они сказали, что мы должны вспомнить их имена. Все двенадцать. Только тогда они смогут уйти.

— Какие имена? — Вера почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Они не назвали их, — тихо ответил Макс. — Сказали, что мы должны найти сами. В архивах. В документах. Или… — Он запнулся, будто слова давались с трудом.

— Или что? — настойчиво спросила Вера.

— Или в шкатулке. — Макс посмотрел на Веру. — Они сказали, что в шкатулке есть имена.

Вера посмотрела на шкатулку, которая всё ещё стояла на столе в бытовке. Потом на Лизу. Та стояла с закрытыми глазами и слушала.

— Лиза, — позвала Вера. — Ты слышишь имена?

— Нет, — сказала Лиза. — Я слышу только песню. И ещё... — Она открыла глаза. — Я слышу, как они дышат. Все двенадцать. Они дышат в одном ритме. Как метроном.

Вера почувствовала, как нить на её шее нагревается сильнее. Она коснулась бусины. Та была горячей — почти обжигающей.

— У меня нить горячая, — сказала она.

— У меня тоже, — сказала Соня.

— И у меня, — сказал Артём.

Макс не сказал ничего. Он смотрел в камеру.

— Макс?

— У меня она не горячая, — сказал он тихо. — Она холодная. Ледяная.

Вера подошла к нему и взяла его руку. Пальцы были холодными. Она коснулась его нити. Бусина была ледяной — как ключ в первый раз.

— Это странно, — сказала она.

— Это не странно, — сказал Артём. — Это значит, что она его выбрала.

— Что значит «выбрала»? — спросила Соня.

— Нить цепляется за того, кто её носит, — сказал Артём. — И если она холодная — значит, она уже зацепилась. За что-то в нём.

Вера посмотрела на Макса. Тот стоял неподвижно и смотрел в камеру. На его лице не было страха. Только что-то похожее на удивление.

— Макс, — сказала Вера. — Что ты видишь?

— Я вижу их, — сказал он. — Они стоят вокруг меня. Они протягивают руки. Они хотят, чтобы я что-то взял.

— Не бери.

— Я не беру. — Он помолчал. — Но они не уходят.

Вера обернулась к Артёму.

— Что делать?

— Я не знаю, — сказал Артём. — Я никогда не был в такой ситуации.

— А твоя бабушка? Она что-нибудь говорила? Как остановить нить?

Артём думал. Потом сказал:

— Она говорила, что нить можно остановить только одним способом. Нужно вспомнить то, что она хочет забрать. И не отдать.

— Что это значит?

— Это значит, что Макс должен вспомнить что-то, что он хотел забыть. Самое плохое. Самое стыдное. И тогда нить не сможет зацепиться.

Вера посмотрела на Макса. Он всё ещё стоял с камерой и смотрел в видоискатель. Его губы шевелились — он что-то шептал.

— Макс, — сказала Вера. — Ты меня слышишь?

Он не ответил.

— Макс!

Он медленно опустил камеру. Его глаза были пустыми. Потом в них что-то щёлкнуло, и он посмотрел на Веру.

— Что? — спросил он.

— Ты говорил с ними. Что они сказали?

— Они сказали... — Он замолчал. Потом посмотрел на свою нить. — Они сказали, что я должен вспомнить. Что-то, что я сделал. Что-то плохое. — Он помолчал. — Я знаю, что это. Я никогда никому не говорил. Но я помню.

— Не говори, — сказала Вера. — Не надо. Просто вспомни. Про себя.

Макс едва заметно кивнул, потом закрыл глаза и замер на целую минуту — словно пытался уловить какой-то далёкий, почти неслышный шёпот внутри себя. Когда он вновь распахнул глаза, на лице у него читалось непривычное спокойствие, будто он наконец отпустил что-то, что годами сжимало грудь.

— Они ушли, — тихо проговорил он. — Женщины… больше не стоят вокруг.

Вера медленно оглядела цех. Её взгляд скользил по ржавым станкам, по тёмным углам, по полу, покрытому серой пылью, — но она по-прежнему не видела ни единого силуэта. И всё же ощущение не исчезало: женщины были здесь, где-то на тонкой грани между реальностью и сном, между зрением и предчувствием. Только теперь они ждали не просто, чтобы на них посмотрели, — они ждали, что их историю наконец услышат и завершат.

— Мы обязаны найти их имена, — твёрдо сказала Вера. — Все двенадцать. Только тогда они смогут уйти.

— А если у нас не получится? — в голосе Сони послышался едва уловимый трепет, будто она боялась даже произносить эти слова.

— Тогда они останутся здесь, — спокойно, без пафоса ответила Вера. — И мы тоже.

Снова щёлкнул метроном — раз, два, три. Свет так и не зажёгся, и тьма по-прежнему укрывала цех плотным, тяжёлым покрывалом. Но теперь в этой темноте чувствовалось не безмолвие, а ожидание — глубокое, терпеливое, словно само пространство замерло и смотрело на них, проверяя, хватит ли у них смелости сделать следующий шаг.

— Завтра мы пойдём в архив, — голос Веры звучал твёрдо, в нём больше не было сомнений. — Найдём имена. И вернём то, что у них отняли.

Она перевела взгляд на Макса. Тот по-прежнему не отрывал глаз от своей нити. Рубиновая бусина, которая раньше казалась ледяной, теперь мягко светилась тёплым светом — таким же, как у остальных.

— Ты как? — спросила Вера, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но в нём всё равно слышалась искренняя тревога.

Макс помолчал, будто подбирая слова, которые не ранили бы ни его, ни её.

— В порядке, — наконец ответил он. — Просто… я вспомнил кое-что из прошлого. То, что когда-то сделал. И правда оказалась тяжелее, чем я думал. Но я всё ещё здесь.

— Это самое важное, — тихо сказала Вера, и в её словах прозвучало не утешение, а признание: она ценила его присутствие. — Ты здесь. С нами.

Она повернулась к двери, ведущей в бытовку, и шагнула вперёд.

— Пойдём, — позвала она остальных, чуть повысив голос, чтобы пробиться сквозь гнетущую тишину цеха. — Нам нужно многое обсудить.

Они вышли. За их спинами, в густой темноте, снова щёлкнул метроном — медленно, размеренно, будто отсчитывал не просто секунды, а те самые мгновения, которые могли стать решающими.

ГЛАВА 9. УТРО

Ночь прошла в бытовке, но никто не спал. Они сидели вокруг стола, на котором стояла шкатулка, и молчали. Каждый думал о своём — о том, что вспомнил, о том, что увидел, о том, что ещё предстояло. Соня дремала, привалившись к плечу Лизы, и во сне что-то тихо шептала. Макс сидел отдельно, у стены, и смотрел на свою нить. Бусина на ней больше не была холодной, но он всё равно трогал её каждые несколько минут, как будто проверял, не вернулся ли холод.

Вера не спала. Она сидела у окна и смотрела на двор. Дождь закончился, и небо начало светлеть. В сером утреннем свете фабрика выглядела старой и усталой — как человек, который всю ночь не спал и теперь ждёт, когда можно будет закрыть глаза. Но Вера знала, что фабрика не устала. Фабрика ждала.

Когда рассвело достаточно, чтобы можно было работать, она встала и разбудила остальных.

— Подъём, — сказала она. — У нас много дел.

Соня открыла глаза и посмотрела на неё мутным взглядом.

— Уже утро?

— Уже утро. — Вера подошла к столу и взяла шкатулку. — Первое — мы проверяем записи. Макс, покажи, что ты снял вчера.

Макс подключил камеру к ноутбуку. Все собрались вокруг экрана. На записи был цех — тёмный, с серыми полосами света из щелей. Потом появились женщины. Вера смотрела и чувствовала, как у неё перехватывает дыхание. Они были там — двенадцать женщин в длинных тёмных платьях, с распущенными волосами, с тонкими нитями на шеях. Они стояли у станков и работали. Их руки двигались быстро и точно, как у людей, которые делают это всю жизнь. Но лица были печальными.

— Это они, — сказала Соня шёпотом. — Все двенадцать.

— Да, — сказал Макс. — Но это ещё не всё. Смотрите дальше.

Он перемотал запись. Женщины исчезли. Цех снова стал пустым. Потом камера повернулась, и в кадре появилась Вера — она стояла у станка и смотрела в сторону. На её лице было выражение, которого она сама не помнила. Потом камера снова повернулась, и в кадре появилась Лиза — она стояла с закрытыми глазами и слушала. Потом Соня — она сидела на полу и обнимала колени. Потом Артём — он стоял у стены и смотрел на дверь в подвал.

— Это мы, — сказала Вера. — Но я не помню, чтобы ты это снимал.

— Я не снимал, — сказал Макс. — Камера снимала сама. Я не нажимал на запись.

В комнате стало тихо.

— Что это значит? — спросила Соня.

— Это значит, что камера видит больше, чем мы, — сказала Лиза. — Или что она записывает то, что мы не помним.

Вера посмотрела на экран. На записи была ещё одна сцена — та, которую она не видела раньше. Камера стояла у двери в подвал, и в кадре была Аня. Она стояла на лестнице, ведущей вниз, и смотрела прямо в объектив. Её губы двигались — медленно, беззвучно.

— Прочитай, — сказала Вера.

Лиза всмотрелась в экран.

— «Имена, — сказала она. — В шкатулке. Под бархатом».

Вера открыла шкатулку. Она вынула нити и положила их на стол. Потом приподняла бархат. Под ним был тонкий слой бумаги — старый, пожелтевший, сложенный в несколько раз. Вера развернула его. На бумаге были имена. Двенадцать имён, написанных от руки, чернилами, которые выцвели до цвета ржавчины.

— «Мария Соколова, — прочитала Вера. — Ольга Ветрова. Наталья Крылова. Евдокия Морозова. Анна Белова. Варвара Соловьёва. Пелагея Орлова. Матрёна Лебедева. Екатерина Волкова. Дарья Комарова. Зинаида Кузнецова. Прасковья Егорова».

Она замолчала. В комнате стало тихо.

— Это они, — сказала Лиза. — Все двенадцать.

— Аня — Анна Белова, — сказал Артём. — Пятая в списке.

Вера посмотрела на него.

— Твоя бабушка была здесь? В этом списке?

Артём покачал головой.

— Нет. Моя бабушка выжила. Она не была в той смене. Она была в другой. — Он помолчал. — Но она знала этих женщин. Она говорила о них. Аня, Мария, Ольга... Она называла их по именам. Я думал, что это просто истории. Теперь я понимаю, что это была память.

Вера положила бумагу на стол.

— Мы должны вернуть эти имена, — сказала она. — Прочитать их вслух. В цехе. Там, где они работали.

— Ты думаешь, это поможет? — спросил Макс.

— Я не знаю. Но Аня сказала: «Имена в шкатулке». Значит, это важно.

Они вышли в цех. Утро было серым и тихим. Метроном молчал. Женщины — если они и были — не показывались. Вера встала в центре цеха и развернула бумагу.

— Я начну, — сказала она. — Вы повторяйте за мной.

Она прочитала первое имя:

— Мария Соколова.

— Мария Соколова, — повторили остальные.

— Ольга Ветрова.

— Ольга Ветрова.

Они читали имена одно за другим, и с каждым именем в цехе что-то менялось. Воздух становился плотнее. Свет — чуть ярче. Вера чувствовала, как нить на её шее теплеет. Потом она начала пульсировать — медленно, в такт сердцу.

Когда они прочитали последнее имя — Прасковья Егорова, — в цехе стало очень тихо. Потом где-то в глубине фабрики стукнул метроном. Один раз. Два. Три. И замолчал.

— Это всё? — спросила Соня.

— Не знаю, — сказала Вера. — Но что-то изменилось. Вы чувствуете?

— Да, — сказала Лиза. — Шёпот стал тише. Как будто они... успокоились.

— Или как будто они ждут чего-то ещё, — сказал Артём.

Вера посмотрела на него.

— Чего?

— Не знаю. Но они не ушли. Они всё ещё здесь.

Вера обернулась. В цехе было пусто. Но она чувствовала, что женщины там. Они стояли у станков и смотрели. И в их взглядах было что-то, чего не было раньше. Надежда.

— Мы должны найти способ отпустить их, — сказала Вера. — Не только вспомнить имена. Но и... завершить то, что началось.

— Как? — спросила Соня.

— Я не знаю. — Вера посмотрела на шкатулку в своих руках. — Но я знаю, что мы на правильном пути. Мы вспомнили их имена. Теперь мы должны вспомнить, что с ними сделали. И тогда, может быть, они смогут уйти.

Она повернулась к команде.

— Мы остаёмся. Ещё на день. Может, на два. Мы найдём то, что нужно. И закончим это.

— А если не закончим? — спросил Макс.

— Тогда мы уедем. Но не раньше, чем попробуем.

Макс посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Ещё день.

Вера улыбнулась. Это была слабая улыбка, но она была настоящей.

— Тогда давайте работать. У нас есть имена. Теперь нам нужны истории. Кто они были? Откуда пришли? Что они хотели? — Она посмотрела на Артёма. — Ты сказал, что твоя бабушка говорила о них. Что ещё она говорила?

Артём помолчал. Потом сказал:

— Она говорила, что Аня была самой молодой. Ей было девятнадцать. Она хотела уйти с фабрики и вернуться домой. Но её не отпускали. Она говорила, что Мария была самой старшей. Ей было сорок. У неё было трое детей, которых она никогда больше не увидела. Она говорила, что Ольга была самой тихой. Она никогда не говорила, но всегда слушала. И что Наталья была самой смелой. Она пыталась бежать. Дважды. Её возвращали.

Он замолчал.

— Это всё, что я знаю.

Вера кивнула.

— Хорошо. Мы найдём больше. В архивах. В документах. Мы вернём им их истории.

Она посмотрела на дверь в подвал. Ключ всё ещё торчал в замке.

— И тогда мы откроем шкатулку. По-настоящему. И посмотрим, что будет.

В цехе снова стукнул метроном. Один раз. Два. Три. И замолчал.

Вера посмотрела на команду.

— Это не предупреждение, — сказала она. — Это ответ. Они нас слышат.

Она взяла шкатулку и пошла к выходу.

— Идём. У нас много работы.

Они вышли из цеха. За их спинами, в пустом цехе, у станков, стояли двенадцать женщин. Они смотрели им вслед. И в их глазах было что-то, чего не было раньше. Благодарность.

ГЛАВА 10. ГОРОД СЖИМАЕТСЯ

Утро десятого дня началось с того, что закончились продукты. Соня обнаружила это первой — она открыла ящик с едой и увидела, что там осталось полбуханки хлеба, три банки консервов, пачка печенья и немного чая. Воды тоже было мало — две пятилитровые бутыли, початые и наполовину пустые.

— Нам нужно в город, — сказала она, вернувшись в бытовку. — Иначе мы останемся без еды.

Вера посмотрела на неё, потом на остальных. Макс сидел у стены и чистил объектив камеры — он делал это каждое утро, как ритуал. Лиза сидела за столом и что-то записывала в блокнот. Артём стоял у окна и смотрел на двор.

— Хорошо, — сказала Вера. — Съездим. Заодно попробуем найти архив. Зинаида говорила, что документы были в городской управе. Может, там что-то осталось.

— Я с тобой, — сказал Макс, не отрываясь от камеры.

— И я, — сказала Соня.

— Нет, — сказала Вера. — Ты останешься с Лизой. Если мы не вернёмся через два часа — уезжаете. Всё, как договаривались.

Соня хотела возразить, но Лиза положила руку ей на плечо.

— Она права. Кто-то должен остаться. Если мы все уедем, фабрика останется без присмотра.

— Фабрика никуда не денется, — пробурчала Соня.

— Вот именно, — сказала Лиза. — Поэтому кто-то должен за ней следить.

Соня вздохнула, но согласилась. Вера взяла рюкзак, положила в него блокнот, диктофон и шкатулку — она не хотела оставлять её без присмотра. Макс взял камеру. Артём — ключи от фургона.

Они вышли во двор. Утро было серым и тихим, как и все предыдущие. Дождь прекратился ночью, но воздух оставался влажным и холодным. Лужи на брусчатке отражали небо — рваное, низкое, с птицами, которые кружили над трубой.

Фургон стоял там, где они его оставили. Артём сел за руль, Вера — рядом. Макс забрался на заднее сиденье и положил камеру на колени.

— Поехали, — сказала Вера.

Артём завёл двигатель. Фургон выехал за калитку и покатил по грунтовке к городу. Дорога была размытой, и колёса вязли в грязи, но Артём вёл уверенно, как человек, который знает эту дорогу наизусть.

— Ты ведь был тут месяц назад, — напомнила Вера, глядя на Артёма. — Ты ездил в город?

— Да, — коротко ответил он. — За продуктами. И ещё заходил в архив.

— И что удалось узнать?

— Ничего, — Артём помолчал, подбирая слова. — Архив оказался закрыт. А женщина в управе сказала, будто документы за прошлый век не сохранились. Но у меня осталось чувство, что она солгала.

— Почему ты так думаешь? — нахмурилась Вера.

— Слишком уж быстро выпалила эту фразу. Будто заранее заготовила ответ. Словно ждала, что кто-то придёт и спросит про эти бумаги.

Вера задумчиво посмотрела на дорогу, потом перевела взгляд вперёд.

— Значит, попробуем снова, — решительно сказала она. — Может, теперь, когда нас несколько, она заговорит иначе.

Дорога до города заняла двадцать минут. Улицы выглядели так же пустынно, как и в тот первый день, но теперь Вера подмечала детали, которые раньше ускользали от внимания. Дома будто жались друг к другу, нависая над тротуарами. Заборы казались чересчур высокими, словно призванными что-то скрыть. А сами улицы извивались, будто их прокладывали не по чертежу, а по чьей-то странной прихоти. Над всем этим витало ощущение замкнутости — словно город был не городом, а тесной комнатой без выхода.

— Как-то тут… тесно, — тихо произнесла Вера. — Я не помню, чтобы раньше замечала эту тесноту.

— Она всегда была, — спокойно ответил Артём. — Просто раньше ты не смотрела на это.

Они миновали магазин, где Вера в первый день покупала продукты. Сейчас он был закрыт: на двери висел тяжёлый замок, а в витрине не горело ни единого огонька. Вера взглянула на часы — было девять тридцать. Магазин должен был вовсю работать.

— Может, у них перерыв? — неуверенно предположил Макс.

— В половине десятого? — Вера покачала головой, в голосе прозвучало недоверие. — Это странно.

Фургон покатился дальше. Улица вывела их на небольшую площадь, посреди которой стоял памятник — без таблички спереди, безликий на первый взгляд. Вера присмотрелась. Это была фигура женщины: длинное платье, распущенные волосы, в руке — нить, на шее — бусина.

— Это она, — выдохнула Вера. — Аня.

Артём плавно остановил фургон. Все вышли и подошли к памятнику. Камень потемнел от времени, покрылся мхом и следами птичьих крыльев, но лицо женщины оставалось чётким: молодым, печальным, с широко распахнутыми глазами, будто она всё ещё кого-то высматривала в толпе. В тот миг, когда Вера посмотрела на неё, нить на её собственной шее вдруг потеплела, будто отозвалась на близость образа.

— Кто вообще поставил этот памятник? — тихо спросила Вера.

— Не знаю, — признался Артём. — В прошлый раз я его даже не заметил.

— А я заметила, — сказала Вера. — Но не подошла. Теперь понимаю почему. Что-то тогда удержало меня.

Она обошла постамент. На обратной стороне нашлась маленькая медная табличка — почти чёрная от патины, едва читаемая. Вера наклонилась и разобрала выцветшие буквы:

«Сестрам, которые не вернулись. 1913».

— Это они, — прошептала она. — Все двенадцать.

Макс тут же поднял камеру и начал снимать, стараясь поймать каждую деталь. Вера стояла неподвижно, глядя на памятник, и в голове у неё медленно, словно кусочки старого пазла, складывались разрозненные фрагменты.

— Здесь был кто-то, кто их не забыл, — тихо сказала она. — Кто-то, кто знал: они не просто растворились в воздухе. Кто-то хотел, чтобы о них помнили.

— Зинаида? — предположил Макс, не опуская камеру.

— Возможно, — отозвалась Вера. — Или кто-то ещё. — Она повернулась к Артёму. — Ты говорил, что твоя бабушка выжила. Могла ли она поставить этот памятник?

Артём подошёл ближе, вгляделся в черты каменной женщины. Он долго смотрел на табличку, потом медленно покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.